

Глава II

Формирование новой интеллектуальной среды и становление российской исторической науки

1. Преобразования Петра Великого и формирование новой интеллектуальной среды

Осознание Петром объективной необходимости выхода России на побережье Балтийского моря имело следствием заключение им союза с датским королем Фредериком IV и саксонским курфюрстом Августом II Сильным, избранным также королем польским. Этот союз должен был ослабить или положить конец господству Швеции на Балтике.

Военные действия России были объявлены в августе 1700 г. Петр направил 35-тысячную армию при 173 орудиях [Овчинников Р.В. 1966. С. 906–907] на осаду Нарвы и Ивангорода, который в составе Ижорской земли вместе с городами-крепостями Ямом, Копорьем, Орешком, а также с городом Корела с уездом тогда был оккупирован Швецией по Столбовскому миру 1617 г. В соответствии с другими сведениями, во время осады русское войско на левом берегу реки Наровы насчитывало 34 тысячи человек [История Северной войны. 1987. С. 46, 49].

Шведский король Карл XII быстрыми и решительными действиями нанес поражение Дании, заставив ее заключить мир. Август Сильный после неудачной осады Риги с ее шведским гарнизоном должен был отойти в Курляндию, тогда как Карл, высадившись в Пернове, совершил с отборным корпусом марш-бросок к Нарве и 19 ноября напал на русское войско. Численность шведского корпуса варьируется в исторической литературе. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона она указана в 8 тысяч при 37 орудиях [Нарва. 1897. С. 652], по архивным данным шведского генерального штаба численность шведского войска перед сражением составляла 10537 человек при 37 пушках [Палли Х. 1966. С. 114], в новейшем труде по истории Северной войны вновь указаны цифры, ранее приведенные в энциклопедии Брок-

гауза и Ефрона — 21 батальон пехоты (5000 человек), 43 эскадрона кавалерии (3000 человек), и 37 орудий [История Северной войны. 1987. С. 47].

Сражение показало, что боеспособными на современном уровне оказались только подготовленные Петром Преображенский и Семеновский полки, а также дивизия А.А. Вейде. Командующий войском фельдмаршал герцог де Кроа и часть иностранных офицеров сдались шведам. Победа шведского корпуса была полной. Русское командование капитулировало на условии сохранения оружия и знамен. Но артиллерия (145 орудий) была отдана шведам, которые к тому же в нарушение условий капитуляции разоружили дивизии А.А. Вейде и И.Ю. Трубецкого.

Обстоятельства поражения под Нарвой показали, что Россия в 1700 г. значительно отставала в организации военного дела и его основ, прежде всего экономических, от уровня развития передовых держав. Для достижения современного состояния России были необходимы самые быстрые преобразования во всех областях военной, экономической, общественной, политической жизни и культуры.

В исследовательской литературе были поставлены основные вопросы, ответы на которые должны были определить — являлись ли петровские преобразования систематичными и следовали они определенной программе (С.М. Соловьев), являлись ли спонтанными и зависели от военных действий (В.О. Ключевский, П.М. Милюков) или они эволюционировали от импровизации к планомерности и продуманности (Н.И. Павленко, Н.В. Рязановский, Г. Штёкль, Р. Виттрам, Е.В. Анисимов и др. с различиями в интерпретации) [историографические исследования см.: *Баггер Х.* 1985; *Каменский А.Б.* 2001. С. 59–80; *Соловьев Е.А.* 2006]. Эти характеристики соотносились в научном содержании с общими тенденциями в российской общественной мысли и социальной практике. Поэтому в преобразованиях Петра отмечались положительное содержание как следствие модернизации или, напротив, их негативный смысл, поскольку разрушался традиционный образ жизни.

А.Б. Каменский назвал такие различия во мнениях «славянофильской/западнической парадигмой». В качестве альтернативы ей он отметил оценку Е.В. Анисимовым петровских реформ в их «цене» и нравственном содержании, поскольку идеи прогресса осуществлялись через насилие. К тому же петровские реформы не способствовали быстрейшему развитию капитализма в России, а укрепляли основы «старого режима» и производства, основанного на крепостном праве. Указал Каменский на определенные совпадения таких характеристик с мнением Я.Е. Водарского, который считает, что эти реформы «в максимально возможной степени затормозили прогрессивное развитие России и создали условия для его торможения еще в течение полутора столетий» [*Анисимов Е.В.* 1989. С. 11, 13, 295, 298, 363; 1993. С. 47; 1995. С. 133–150; *Водарский Я.Е.* 1993. С. 77; *Каменский А.Б.* 2001. С. 75–78].

А.Б. Каменский ближе к характеристикам Е.В. Анисимова. По его мнению, петровские преобразования были противоречивы в своем содержании и следствиях для России. С одной стороны, был преодолен кризис традиционализма второй половины XVII в., который имел место в стране. Россия стала одной из ведущих мировых держав. Ей не угрожали потеря национальной независимости и территориальные утраты. Были европеизированы (модернизированы) основные политические институты страны, «системы управления и жизни общества в целом», хотя европеизация быта и мышления имела «поверхностный характер, а элементы новой культуры сосуществовали с традиционными представлениями и понятиями». В результате податной, городской и областной реформ были ликвидированы предпосылки развития экономики по капиталистическому пути, которые существовали во второй половине XVII в., вследствие чего установились «сугубо крепостнические формы и крайне низкие темпы развития». Социальная структура «приобрела более европеизированный вид, создались правовые условия для формирования полноценных сословий», но «преобразователь сделал будущие сословия еще более зависимыми от государства, еще менее свободными, чем прежде». Модернизационные реформы привели к значительному усилению крепостного права. Зависимость от него деформировала «сословное становление» дворянства, тогда как крепостничество «сделало невозможным нормальный процесс складывания третьего сословия». Петровская индустриализация в условиях крепостного права была обречена в будущем на новое техническое отставание, тогда как сельское хозяйство не развивалось. Вследствие реформ «произошел культурный раскол русского народа». Было создано «принципиально новое Российское государство — самодержавная империя с сильным центром, разветвленным и единообразно организованным бюрократическим аппаратом и фискальной системой, опирающимися на мощь армии и полиции». Статус мировой державы способствовал формированию российского патриотизма, но содержание многочисленных и боеспособных армии и флота в условиях крепостнической экономики, неблагоприятного климата и низкой плотности населения означало напряжение всех ресурсов общества, что привело к снижению жизненного уровня народа. Петровская идея государя — слуги отечества, работника на троне, реформатора, который постоянно заботится о благе подданных, «привела к трансформации самой идеи царской власти, ее своеобразной секуляризации».

По мнению А.Б. Каменского, «институт крепостничества возник задолго до Петра и ко времени его преобразований был уже вполне оформившимся и зрелым». Но в первое десятилетие XVIII в. была возможность альтернативного пути развития России — отмена крепостного права и «направление реформы в другое русло» [Каменский А.Б. 2001. С. 154–164].

Эти и многие другие характеристики петровских реформ, их значения для последующего социально-экономического и политического развития

России, ее культуры, начиная со времени их проведения до наших дней, определялись общественно-политическими и философскими концепциями, которыми их авторы руководствовались осознанно или интуитивно. Продолжение дискуссии в данной связи не представляется конструктивным. Целесообразным в контексте данной монографии представляется определение в Петровской эпохе тех факторов, которые оказали прямое и опосредованное воздействие на формирование гения М.В. Ломоносова и его творчество.

Следует отметить, что множественные формы прикрепления зависимого человека к господину посредством утраты свободы (холопство) или разного вида долговых обязательств, ограничения прав переселения лично свободных крестьян существовали весь средневековый период российской истории. Но система закрепощения как законодательного прикрепления к земле (к тяглу) сформировалась лишь в конце XVI–XVII в. [*Панеях В.М.* 1994. С. 146–154; см. там же литературу проблемы]. Поэтому система крепостного права являлась инвариантом социально-экономического, политического, идеологического состояния России и ее культуры в XVIII в. Она определяла все виды межсословных и межличностных связей в России. Альтернативой ей стала лишь произошедшая в странах Западной Европы и в США промышленная революция XVIII–XIX вв., предопределившая принципы свободного предпринимательства, гражданских свобод и юридического равенства. Значительно ускорили темпы их осуществления американская (1775–1783) и Великая французская революции.

Реформы Петра Великого создали то технически современное для первой четверти XVIII в. фабрично-заводское и мануфактурное производство, которое способствовало развитию технических и научных знаний, а также предпринимательской деятельности.

В условиях военных действий Петр организовал систему государственного строительства и обеспечения доменных и передельных заводов, оказывал правовую и финансовую поддержку частному предпринимательству. Если в конце XVII в. в России действовал 21 доменный, передельный и оружейный частный завод, то уже в 1701–1707 гг. они были дополнены двумя частными и 13 государственными. Был создан Уральский промышленный район с беспредельными возможностями последующего развития. За первую четверть столетия, т. е. до кончины Петра, было построено 30 таких вододействующих заводов, 16 из них были казенными. Выплавка чугуна увеличилась в пять раз. Страна, ранее импортировавшая металл, превратилась в экспортирующую [*Павленко Н.И.* 1959. С. 191–192; 1962. С. 535].

Были построены судостроительные верфи. Только на петербургских верфях с 1706 по 1725 г. были построены около 60 крупных и 200 мелких кораблей. Текстильные фабрики по производству парусины, шерстяных и полотняных тканей, кожевенные, селитряные, пороховые заводы, суконные и чулочные фабрики, не только в старых, но и в новых промышленных

центрах, таких как Петербург и Казань, изготавливали все необходимое для армии и гражданского населения. Появились предприятия, которые обеспечивали отечественное производство ранее импортируемых товаров, — суконные, полотняные, шелковые, трикотажные, шляпные, игольные, бумажные, пищевые, белильно-красочные и т. д., главным образом, в столичных городах. Мастера, нанятые в Голландии для работы на московском Полотняном и Скатертном заводе, привезли с собой современные ткацкие станы для производства таких изделий. В случае необходимости промышленные изделия и высококачественное сырье докупались за границей [*Воскресенский Н.А.* 1939. С. 7 об. и след.; *История предпринимательства в России.* 2000. С. 258].

Для организационного и технического обеспечения всех этих многообразных видов производства Петр в 1702 г. издал указ, подтверждавший право иностранцев свободно приезжать в Россию, обеспечивая им защиту и покровительство властей. В этом указе были названы военные, инженеры, мастера разных специальностей, а также торговые люди [*История предпринимательства в России.* 2000. С. 298].

В новых условиях изменился смысл слова «иностранец». Если до конца XVII в. определяющими в нем являлись нероссийское происхождение и неправославная вера, то в соответствии с Адмиралтейским регламентом, введенным Петром, «иностранцами» считались только те, кто приехал из других стран и поступил на царскую службу. Но те, кто родился в России и поступил на службу, «яко россияне почтены имеют быть» [*Воскресенский Н.А.* 1945б. С. 575]. Такое содержание интегрирующего понятия «россияне» стало следствием его нового смысла в Петровскую эпоху. Определяющей в нем стала служба не государю, а Государству, которому служил и сам Петр.

Такая политика Петра по отношению к иностранцам позволила значительно укрепить кадровый состав в основных составляющих военного и гражданского аппарата управления, для которых царь стремился воспитать также собственные кадры.

Создание новой армии и флота, промышленного производства, которые обеспечили победу России в Северной войне, стало сложным процессом успехов и неудач. Петр сравнил его со школой, с ее главным содержанием — внутренне обусловленной последовательностью роста от начального уровня к высшему. В письме к В.Л. Долгорукому от 8 сентября 1721 г. после заключения Ништадтского мирного договора он так охарактеризовал результаты этого обучения: «Все ученики науки в семь лет окончивают обыкновенно, но наша школа втрое время была. Однакожь, слава Богу, так хорошо окончилась, как лутче быть невозможно <...>» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 98. Л. 163; здесь и далее использованы находящиеся в этом фонде копии документов, подготовленные на высоком профессиональном уровне для издания «Писем и бумаг императора Петра Великого» и используемые до нашего времени в этой академической публикации].

Петр проводил политику, направленную на создание экономической мощи государства как основы последующего промышленного и культурного развития России к «государственной и общенародной пользе». Ее содержание было сформулировано самим Петром — западноевропейские страны ограничены в природных ископаемых, но есть развитое промышленное производство, в России — есть сырье, но слабо производство. Отсюда закономерен вывод: для экономического процветания России необходимо создать развитое промышленное производство, для существования которого есть безграничные природные ресурсы, а также современные заводы, мануфактуры и фабрики, которым следует создать благоприятные условия для предпринимательства.

Эта мысль Петра, раскрывающая суть его экономической политики, как представляется, не привлекала внимания исследователей, видимо, прежде всего, потому, что она была сформулирована во введении к первой редакции «Регламента Мануфактур-коллегии». В его окончательном тексте содержание введения изменено, но исследователи не интересовались источниковедческим контекстом «Регламента».

Между тем, данное определение вектора долговременного развития экономики России крайне важно, поскольку оно позволяет установить содержание экономической политики правительства. Эта политика создала ту материальную среду, которая становилась одним из условий формирования гения М.В. Ломоносова. Поэтому представляется существенным привести данное определение петровской экономической политики полностью: «Понеже окрестные государства, хотя и не суще доволны натуральными материалами, но паче снабдеваются из других земель, однакоже от утвержденных мануфактур и фабрик немалую славу и государственному збору приращение, безремесленные ж люди обучение, а неимущие пропитание получают.

Наше же Российское имперіум пред многими иными землями сим преизобилует и потребными материалами благословенно есть, которыя до сего времени не так употребляемы были, как принадлежит, но паче пренебрежению преданы, а другия государства ис того обогатилися. Из чего признавается, что сему пренебрежению главнейшая притчина была та, что наши подданные к мануфактурным делам, каким образом оные в государственную и всенародную ползу произвести искусства и прилежания не имели, иные же иждивения и трудов ко оному приложить отважиться не хотели, рассуждая, якобы те их заведенные мануфактуры и фабрики, егда от оных плод усмотрится, отняты б от них не были» [*Воскресенский Н.А.* 1938. С. 538].

Последним обстоятельством объясняется тот факт, что во втором десятилетии XVIII в. появилась тенденция к передаче казенных мануфактур и заводов в частное владение. Она развилась в массовое частное строительство заводов и мануфактур при государственной поддержке и без нее.

Уже в 1702 г. было начато и в 1709 г. закончено строительство Вышневолоцкой системы с водохранилищами, шлюзами и т. д., длиной 1324 версты, которая

создала современную единую систему речных путей. Несмотря на несовершенство гидротехнических сооружений, она выполняла главную функцию — соединила для наиболее дешевых и наименее трудоемких речных перевозок внутренние районы страны с северо-западом России. С теми же целями в 1718 г. было принято решение о строительстве обводного Ладожского канала [Марасинова Л.М. 1985. С. 260–261]. Образцы таких систем рек и каналов, снабженных гидротехническими сооружениями, Петр видел в Голландии. Была создана такая система и во Франции. Петр использовал этот опыт, и максимально быстро в условиях военного времени Вышневолоцкая, Мариинская и Тихвинская системы соединили Балтийский и Волжско-Каспийский регионы.

Такие экономические достижения стали материальной основой модернизации армии, побед России в Северной войне, восстановления в составе России северо-западных земель, присоединения к ней Эстляндии и Лифляндии. Уже 16 мая 1703 г. был заложен город Санкт-Петербург, который вскоре станет столицей России, а для его защиты с моря — крепость Кроншлот. Поддерживая своего союзника курфюрста саксонского и короля польского Августа II Сильного, Петр со своей армией прошел в 1705 г. Полоцк, Вильно, Гродно, занял столицу Курляндии Митаву. Новый современный опыт оборонительных и наступательных действий имел следствием блестящие победы войск под руководством Петра 28 сентября 1708 г. в битве при Лесной над корпусом генерала А.Л. Левенгаупта и 27 июня 1709 г. над армией Карла XII в сражении при Полтаве, хотя на Дону произошло Булавинское восстание 1707–1708 гг., а во время военных действий против шведов на Украине — клятвопреступление гетмана Мазепы.

Полтавская победа и бегство Карла XII под защиту султана обозначили перелом в Северной войне. В следующем 1710 г. от власти шведов были освобождены и подчинены Российскому государству Лифляндия с Ригой и Эстляндия с Ревелем, Выборг и Кексгольм (Корела), которые позволяли контролировать Карельский перешеек, а Выборг — также значительную часть северного побережья Финского залива. Таким образом, Петербург был защищен с севера от шведских нападений.

Вследствие всех этих событий Россия вышла на Балтийское море. Значительно ограничив военное и торговое влияние Швеции в Балтийском регионе, Петр создал условия для нового направления внешней торговли России и расширения активного культурного взаимодействия со странами Балтики и Северного моря. Россия надолго приобрела возможность активно воздействовать на политическую жизнь в странах Центральной, Северной и Западной Европы. В политических отношениях с европейскими державами она могла основываться на реальных военно-политических и экономических преимуществах [Возгрин В.Е. 1986. С. 234–285].

Таким образом, петровские преобразования первой четверти XVIII столетия осуществили основные задачи, для которых они были предприняты.

Они создали в России основы современной экономики, армии и флота, образа жизни и мышления в среде правящего сословия и предпринимателей. Их следствием стал качественный перелом в Северной войне. Успехи в военных действиях и дипломатических предприятиях приобрели необратимый характер. Все это произошло вследствие целенаправленности петровских преобразований, наличия в них внутренней логики, хотя их намеченного плана не существовало, а их последовательность может производить впечатление «хаотичности».

Уже в первое десятилетие XVIII в. Россия была органично включена в единое европейское политическое пространство и начала активно усваивать европейский военный и экономический опыт на передовом уровне его развития.

После перелома в Северной войне в 1709–1710 гг. петровские реформы сохранили системный характер. Их основу продолжали составлять преобразования в промышленности и военном деле, но они были дополнены последовательными изменениями в социально-политическом строе России. Не снижая темпов, они активно продолжались до кончины Петра 28 января 1725 г. [историографические обзоры см.: *Баггер Х.* 1985; Реформы Петра I и судьбы России. 1994; см. там же литературу вопроса].

В экономике происходили значительные изменения. На Урале и в Сибири были открыты и стали эксплуатироваться железорудные и серебряные рудники, что привело к качественным изменениям в обеспечении страны железом и серебром, которые были ей столь необходимы в торговле и всех областях мирной и военной жизни. Развивались черная металлургия, полотняное, суконное, стекольное производство, бумажное и монетное дело. Появилось собственное производство шелка и более дешевых видов материи и изделий. В 1725 г. в России существовало около 130–140 мануфактур, большинство которых находилось в частном владении.

Широко используя иностранный опыт, Петр не только создал русский военный флот, но также способствовал распространению этого опыта в строительстве речных судов. В 1715 г. он издал указ о запрещении их строить по-старому. Между тем для строительства речных судов новых типов не было подготовленных кадров, материалов и технической базы. Так что лишь немногие из новых типов судов были освоены в петровское время, и строились они под существенным влиянием отечественных традиций. Была реорганизована система внутренних перевозок и почтовой связи [*Кошман Л.В.* 1985. С. 177–197; *Марасинова Л.М.* 1985. С. 264–265, 274–275; История предпринимательства в России. 2000. С. 256–280].

Для обеспечения постоянных торговых связей России с зарубежными странами в 1707–1723 гг. была создана в западноевропейских странах сеть консульств и торговых представительств — в Амстердаме, Венеции, Гамбурге, Париже, Бреславле, Антверпене, Вене, Нюрнберге, Бордо, Кадиксе

(в хронологическом порядке их учреждения). Петр не только поощрял торговое предпринимательство российских купцов, но также наказывал своим резидентам в западных странах, чтобы они следили за ценами на предметы российского экспорта, дабы пока не налажена собственная экспортная торговля, недобросовестные западные купцы не наживались на посреднической торговле к убытку российских производителей и купцов.

Впрочем, российские торговые компании с учрежденным статусом, капиталом и привилегиями были немногочисленны до второй половины XVIII в. Торговля с Китаем находилась в государственной монополии, так что она отдавалась на откуп.

Внешняя торговля России по-прежнему обеспечивалась преимущественно иностранными купцами. Когда Петр стал указами запрещать иностранную торговлю в Архангельске для оживления балтийской торговли, прежде всего для установления связей с Петербургом, это новое направление быстро освоили англичане и купцы из других стран.

Начиная с 1713 г., после снятия шведской блокады и петровского указа о переносе иноземной торговли из Архангельска в Петербург, в новый российский столичный город все более стали приходить иноземные торговые суда. После заключения мира со Швецией в 1721 г. уже на следующий год в Петербурге побывало 104 иностранных корабля, в том числе 35 английских, 22 голландских, 27 северогерманских. Для выполнения многообразных поручений в окружении Петра находились иноземные купцы, которые осуществляли доставку из-за рубежа определенных материалов и сбыт российских товаров, финансовые операции казны, приобретение книг, приборов, инструментов, различных механизмов [История предпринимательства в России. 2000. С. 242, 244, 253, 297–298, 307–308; *Андреева Е.А.* 2008. С. 18–19].

Таким образом, новый уровень экономического развития, достигнутый благодаря максимальному напряжению сил как самого Петра, так и российского общества, позволил армии и флоту, подготовленным на высшем европейском уровне, выполнить те военно-политические и геополитические задачи, которые Русское государство не могло решить в предшествующие два столетия. После перелома в Северной войне в 1709–1710 гг. Петр мог сосредоточиться на реорганизации общественно-политического строя государства.

Во время заграничного путешествия 1697–1698 гг. и в последующей деятельности Петр познакомился с политическим устройством других стран — абсолютистских монархий во Франции, в Пруссии и мелких немецких государствах, ограниченной парламентом монархии в Англии, а также республик в Нидерландах и Венеции. Он быстро и творчески усваивал все, что могло способствовать созданию Новой России. Петр ознакомился с философскими и общественно-политическими теориями, которые обосновывали необходимость реорганизации российских средневековых начал в условиях новейшего времени. Ему были известны теории естественного права и обще-

ственного договора, сформулированные голландским юристом Гуго Гроцием (1583–1645) и английским философом Томасом Гоббсом (1588–1679), позднее переосмысленные С. Пуфендорфом (1632–1694) [см.: *Шапиро А.Л.* 1993. С. 141–153; *Анисимов Е.В.* 1997. С. 274–275; *Панченко А.М.* 2005а. С. 231; и др.]. К их восприятию Петр был подготовлен уже в Москве, посещая Немецкую слободу, жители которой на рубеже столетий были знакомы с идеями Рене Декарта и Джона Локка [*Лапто-Данилевский А.С.* 1914. С. 5–6]. В частности, Декарт видел конечную задачу знания в господстве человека над силами природы, в открытии и изобретении технических средств, в познании причин и действий, в усовершенствовании природы человека [*Асмус В.* 1960. С. 448]. Этика Локка определяла добро как добровольное подчинение людьми своих поступков божественным и гражданским законам, общественному мнению своей страны [*Нарский И.* 1964. С. 250].

Основное содержание этих теорий сформировалось в странах, где уже сложились буржуазные отношения. Они утверждали равенство прав граждан перед законом, договорные отношения между обладателями гражданских прав, а также между парламентом, их представляющим, и главой государства — королем в Англии или штатгальтером в Нидерландах. Эти теории утверждали естественные права граждан, которые делегировали управление верховной власти. В данной связи Гоббс писал: «<...> монархия происходит от власти народа, переносящего свое право, т. е. верховную власть, на одного человека. Под этим нужно понимать, что народу предлагается один известный человек, выделяющийся из среды всех остальных своим происхождением или иными отличительными признаками, и что на него переносится по большинству голосов все право народа таким образом, что все то, что мог делать до его избрания народ, после его избрания по полному праву может делать избранный» [*Гоббс Т.* 2001. С. 115].

В Нидерландах и Англии подразумевалось, что граждане сохраняли право воздействия на верховную власть, которая должна была содействовать благу своих граждан. Но в Германии, раздробленной на многочисленные государства, в которых существовали абсолютные монархии, С. Пуфендорф переосмыслил происхождение верховной власти как богоданной. Его теория восстанавливала средневековое отношение к монархической власти как освященной. Пуфендорф считал необходимыми подчинение церкви светской власти, религиозную терпимость церкви и признание ею научных знаний, что соответствовало современным принципам экономически и социально-политически развитых западноевропейских держав. Отражением новой системы общественных отношений и политического строя в этих странах стали утверждения Пуфендорфа, согласно которым правители должны заботиться о благосостоянии народа, об издании законов в соответствии с «естественным правом».

Эти свойства концепции С. Пуфендорфа привлекли особое внимание Петра, так что он решил ознакомить с ней широкий круг образованных россиян

и направил для перевода в Синод трактат немецкого философа «о должности человека и гражданина», как Петр сформулировал его основное содержание. При этом царь потребовал, чтобы текст был переведен «внятна и хорошим штилем» [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 148].

Впрочем, в условиях абсолютистских режимов в Германии идеи «естественного права» были трансформированы в теорию полицейского государства. В соответствии с ней государство во главе с просвещенным абсолютным монархом для общего блага регулирует посредством указов и полицейских властей все формы деятельности подданных и общественной жизни.

Все эти идеи были широко распространены в западноевропейских странах того времени. Вероятно, Петр и самостоятельно приходил к ним. Во всяком случае, они в значительной мере совпадали с его пониманием содержания реорганизации России. Петр не нуждался в обосновании богоданности царской власти, поскольку богоданность присутствовала в российской церковной и исторической традиции. Но он использовал этот средневековый принцип, чтобы он служил задачам Нового времени в петровских преобразованиях.

Вероятно, идеи общественного блага еще более утвердились в системе общественно-политических и философских взглядов Петра после писем к нему Г.В. Лейбница и их встреч. В одном из писем философ писал царю в январе 1712 г.: «<...> я не из тех, кто пристрастен к своему отечеству или, напротив, к какой другой нации, но я исхожу из блага всего человеческого рода, так как я считаю Небо отечеством и всех благомыслящих людей — согражданами, так что мне дороже свершить много добра (viel Guthes) у русских, чем малое — у немцев или других европейцев, хотя я и нахожусь у них в столь великой чести, богатстве и покое <...>, так как мои устремления заключаются в общем благае (Beste)» [Сборник. 1873. С. 208].

Воспринимая человечество и необходимые для него науки как единое пространство, Г.В. Лейбниц в 1712 г. обращал внимание Петра на возможность России участвовать в общем прогрессе. В качестве ближайших научных задач он отмечал: 1) сбор лингвистических материалов по древней истории и этнографии, 2) распространение христианства миссионерами, 3) содействие улучшению мореплавания посредством наблюдений над склонениями магнитной стрелки, 4) развитие астрономии с помощью астрономических наблюдений, 5) развитие естественных наук собраниями всех растений, животных и ископаемых, которые встречаются не только в России, но и в соседних с нею странах, особенно на Востоке, 6) перевод на русский язык краткого изложения всех наук и обстоятельные описания ремесел и промыслов, что будет способствовать развитию наук и искусств [Герье В. 1871. С. 189; в порядке перечисления В.И. Герье]. Особое значение придавал Лейбниц изучению Китая и тем реальным возможностям, которые для этого предоставляла Россия [Копанев Н.А. 1998].

Г.В. Лейбниц обратил внимание Петра на существенную, тогда неизученную проблему соединения Азии и Америки. В 1716 г. моряки Петр Абышков, Кондратий Мошков и другие предприняли плавание по Охотскому морю, следствием чего стала составленная ими «Карта Якутская и Камчатского Носу». В 1717 г. она была представлена Петру. Несмотря на продолжавшиеся военные действия, в 1719 г. царь направил Ивана Евреинова и Федора Лужина, чтобы те через Тобольск доехали до Камчатки «описать тамошние места». В указе им Петр подчеркнул слова «сошлася ль Америка с Азиею, что надлежит зело тщательно сделать не толко сюд и норд, но и ост и вест, и все на карту исправно поставитъ <...>» [Архив СПбИИ РАН. Ф. 270, оп. 1, ед. хр. 90. Л. 7; выделенные курсивом слова подчеркнуты Петром].

И. Евреинов и Ф. Лужин не смогли установить, соединена Азия и Америка или нет. Для ответа на этот вопрос была организована в 1725 г. другая экспедиция — В. Беринга. Но они выполнили другую задачу, поставленную Петром, подготовив первую карту Сибири на основе инструментальных определений [о состоянии географических знаний, геодезии, картографии в петровское время см.: *Лебедев Д.М.* 1950; *Копелевич Ю.Х.* 1977. С. 25–27; см. там же литературу вопроса].

Петр в полной мере оценил пользу, которую мог принести России великий ученый Г.В. Лейбниц. Он был зачислен на государственную службу в должности тайного советника юстиции, на которой он находился до своей кончины в 1716 г. В патенте о его приеме на службу было написано, что «он ко умножению математических и иных искусств и произыскиванью гисторей и к приращению наук много вспомоци может, его ко имеющему нашему намерению, чтоб науки и искусства в нашем государстве в вящей цвет произошли, употребить» [ПБПВ. 1977. Т. 12, вып. 2. С. 203].

Идеями благосостояния всего Государства, общей пользы, службы Государству всех, от царя и его детей до низших чинов должностных лиц, пронизано все петровское законодательство. Этот постоянный мотив свидетельствует о том, что Петр не только глубоко усвоил современные новейшие философские и общественно-политические идеи, но и стремился их осуществить. Поэтому, обобщая результаты титанических усилий по реорганизации страны, благодаря которой была побеждена Швеция, Петр мог сказать, обращаясь к современникам и потомкам после прочтения договора о заключении мира с грозным противником 22 октября 1721 г.: «Надлежит трудиться о ползе и прибытке общем, которой Бог нам пред очи кладет как внутрь, так и вьне, от чего обলেখчен будет народ» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 156; курсив наш. — М. С.]. При этом «общее благо» распространялось не только на военные реформы, социальное и политическое переустройство, но также на экономические предприятия. Даже частный вопрос об условиях продажи тканей Петр рассматривал в контексте экономической политики в целом: «<...> понеже мы прилежное имеем о распространении в государствах наших

к ползе общаго блага и пожитку подданных наших, купечества, всяких художеств и рукоделий, которыми все протчие благоучрежденные государства процветают и богатятся <...>» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 87. Л. 272; курсив наш. — М. С.; указ без точной даты, март 1718 г.].

Петр страстно желал, чтобы Россия находилась в числе «благоучрежденных государств», которые процветают и «богатятся» промышленностью и торговлей. Поэтому в указе Сенату от 2 сентября 1718 г. отсутствие обводного Ладожского канала, необходимого для развития инфраструктуры внутренней системы сообщений, он охарактеризовал как «убыток общенародной» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 88. Л. 157]. «Для ползы государственной» Петр лишил своего сына права на престол, «хотя б ни единой персоны нашей фамилии по нас не осталось», уточнял он [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 168].

В соответствии с последовательно проводимой петровской концепцией государство защищало интересы народные. Но и народ должен был соблюдать интересы государственные. Без этого государство не могло осуществить свои функции. Оно стало бы бесполезно и незащитно. Поэтому Петр был последователен в указе от 24 апреля 1713 г.: «Сказат во въсем государстве <...>, что все преступни и повъредители *интересов государственных* с вымыслу, кроме простоты какой, таких без всякия пошшады казнит смертью, деревъни и животы брат. <...> И для того надобно изяснит именно *интересы государственныя* для вразумления людем» [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 38; курсив наш. — М. С.].

В датированном 16 апреля 1702 г. манифесте о вызове иностранцев в Россию Петр объяснял цели своего правления как улучшение благосостояния каждого: «<...> таким образом правителствовати, дабы всяк и каждый из наших верных подданных чюствовать мог, како наше единое намерение есть о их благосостоянии и приращении усердно пещися, и потому всякия способы и пути употребляти, еже бы ко одержанию такового славного намерения каким ни есть образом служить могло». Средствами для такого общественного блага он указал не только увеличение и расширение торговых связей, но также «внутреннее безопасение нашего государства утвержати, и оное от всяких опасных случаев, чем благосостояние общия пользы разрушено быти может, упредить». Но, по убеждению царя, необходимое для этого «правительства состояние» и «вящее обучение народа» возможны в России лишь в постоянном взаимодействии «со всеми иными христианскими и во нравех обученными народы», т. е. с народами на современном уровне общественно-политического развития и культуры. Поэтому, разъяснял он своим подданным, «чего ради мы все к такому благополезному делу потребные и служащие учреждения и предуготовления, како время и случай подавал, досюду в наше государство ввели и то впредь, милостью и вспоможением Вышшаго, продолжати намеряли есмы».

В отличие от прежнего конфессионального и культурного противопоставления России другим европейским странам Петр сформулировал концепцию ее принадлежности к европейскому культурному пространству в целом. Он без обиняков указывал, что усвоение иноземного опыта, прежде всего в военном деле, необходимо для территориальной целостности России, для ее защиты от нападений врагов. Только так можно вернуть те земли, которые были отторгнуты враждебными ей государствами. Все это должно было разъяснить подданным решительный отказ Петра от политики своих предшественников по отношению к иностранцам: «Не известно есть, коим образом мы давно старую обыкность, по которому выезд сюда иноземцам не вовсе свободен был, отставили и оное при нашем государствовании отложили». Разумеется, такая свобода въезда предоставлялась профессионалам — офицерам, купцам, «художникам», т. е. мастерам своего дела.

Для поощрения столь необходимых для ускоренного развития России переездов иностранных специалистов Петр не только последовательно осуществлял свободу вероисповедания — «свободное отправление веры всех», но и формулировал ее в категориях свободы совести: «<...> како мы при данной нам силе от Всевышшаго принуждения над совестью человеческими себе не восприемлем и охотно соизволяем, да каждый христианин на собственный свой ответ о попечении спасения своего трудится, тако мы будем накрепко то повелевати, дабы по прежнему обыкновению никто в вышепомянутом своем как явственном, так и приватном отправлении веры препятия не имел, но при том отправлении от всякого обезпокоивания оборонен и притом содержан был». Поэтому он разрешил находиться пасторам в тех воинских частях, где служит много иностранцев, а также строить «кирхи» [ПБПВ. 1889. Т. 2. С. 45–48].

Темы свободы католического исповедания и строительства католических церквей вскоре нашли продолжение и развитие в годы Северной войны в связи с органичным включением России в европейскую систему политических отношений, в частности вследствие союза Петра с курфюрстом саксонским и королем польским Августом Сильным. Так что Петр в 1705 г. подтвердил свое отношение к этим вопросам, разрешив контролируемый проезд католических миссионеров по российским землям: «<...> именем его царского величества есть объявлено, что управления и употребления веры католической на столице и повсюду в государствах своих не запрещает и запрещати не будет; также и свободное костелов каменное строение охотно его царское величество позволяет для лучшей к себе Речи Посполитой склонности, и миссионаром, от монархов христианских посланным, волной чрез государства свои дает проезд, которые должны будут пашпорты брать ис канцелярии Посолской его царского величества <...>» [ПБПВ. 1912. Т. 6. С. 261–262].

Проблема свободы вероисповедания была решена Петром в соответствии с принципами Нового времени и при установлении династических союзов. В договоре о бракосочетании в 1711 г. царевича Алексея Петровича

и принцессы Брауншвейг-Вольфенбюттельской Петр соглашался со свободой исповедания в лютеранской «евангелической вере» невестки и сопровождавших ее лиц [ПБПВ. 1962. Т. 11, вып. 1. С. 205]. Но выдавая в 1710 г. замуж свою племянницу Анну Ивановну за герцога Фридриха Вильгельма Курляндского, он настаивал, чтобы царевна «с своими домовыми служителями» сохранила православие [ПБПВ. 1956. Т. 10. С. 314]. На свободе вероисповедания настаивал Петр и во время обсуждения вторичного брака овдовевшей Анны Ивановны с герцогом саксен-мейнингским Эрнстом-Людвигом в мае 1713 г. При этом данное требование было указано в проекте брачного договора первым: «Его царское величество требует, чтоб: 1. Ее высочеству со всем ея российским двором свободное и без препятствия отправление веры, хотя и не в публичных церквах, однакож в ея полатах весьма позволено было» [ПБПВ. 1992. Т. 13, вып. 1. С. 167].

В отличие от французского короля Людовика XIV, который отождествил себя и государство, Петр служил Государству, объединяющему всех россиян, для их блага. Поэтому, как написал Феофан Прокопович, он обращался к российскому войску перед решающим Полтавским сражением, от которого зависело многое — «или пропасть весма, или в лучший вид отродиться России». Российские воины должны были сражаться «не за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский». И в этом обращении он вернулся к идее общего блага, говоря о себе в третьем лице: «А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние» [ПБПВ. 1950. Т. 9, вып. 1. С. 226]. Вне зависимости от степени аутентичности этого текста Прокопович выразил основное в отношении Петра к Государству — служба Государству для общего блага.

О том, что это был жизненный принцип Петра, свидетельствует его запись о Полтавском сражении в коллективно подготовленной, но не изданной при его жизни «Истории Свейской войны»: «<...> ибо государь в том нужном случае за людей и отечество, не щадя своей особы, поступал как доброму приводцу надлежит, где на нем шляпа пулею прострелена» [Сборник документов по истории СССР. 1973. Ч. 5. С. 112].

Того же Петр требовал от своих подданных, приносивших государственную присягу (утверждена 2 марта 1711 г.) — исполнять «во-первых, верность моему государю и вьсему государству; второе, правьду, правый суд как между народом, так и в деле государственном; третие, в збирании казны и людей, и протчего всего, чего государя моего и государства сего интересы требуют <...>» [ПБПВ. 1962. Т. 11, вып. 1. С. 98].

В соответствии с философскими и общественно-политическими теориями Нового времени для Петра главным субъектом в России являлся не государь, а Государство. В своем разъяснении Сенату от 24 апреля 1713 г. он требовал жесточайших наказаний за преступления против «интересов го-

сударственных» [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 38]. В соответствии с этими принципами он стремился создать в стране основы новой государственности, в которой определяющее значение имеет не воля власть имущего, не судейский произвол, а закон. Поэтому Петр издал 17 апреля 1722 г. указ Сенату, в котором обращал особое внимание на исполнение законов и на недопустимость обращения с ними как картежники с картами: «Понеже ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже всеу законы писат, когда их не хранить, или ими играт, как в карты, прибирая масть к масти, чего нигде в свете так нет, как у нас было, а отчасти и еще есть, и зело тщатся всякие мины чинить под фортецию (т. е. крепость. — М. С.) правды <...>» [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 107].

Интересы Государства настолько превосходили для Петра все прочие обстоятельства, что он издал 17 мая 1722 г. указ, в соответствии с которым духовным лицам следовало сообщать светским властям о злоумышленниках, которые открывались на исповеди в своем намерении в настоящем или будущем совершить политические преступления, измену Родине, бунт против государя и государства.

Осуществлением принципа «надлежит трудится о ползе и прибытке общем» стал второй период реформ Петра. После Полтавской победы и перелома в Северной войне он мог сосредоточиться на преобразовании общественно-политических институтов Российского государства, что в значительной мере активизировало в нем формирование новой интеллектуальной среды.

Реформирование царской власти Петром выразилось в двух, казалось бы, противоположных векторах. С одной стороны, создание абсолютной власти монарха, которому иерархически подчинены все государственные институты. С другой стороны — постоянное нахождение царя среди всех слоев российского общества, кроме крепостных. Он находился в среде мастеровых и солдат, офицерского корпуса и высших должностных лиц. Такое постоянное место государя в среде своих подданных позволяет предположить, что, выстраивая новую общественно-политическую структуру Российского государства по модели современного абсолютистского государства, Петр максимально приближал прямое верховное управление для его максимальной эффективности к государственным и общественным институтам на всех уровнях, тогда как эти институты должны были такому правлению способствовать. При этом Петр всячески побуждал и чиновников, и всех своих подданных к творческой активности, но также требовал исполнения правительственных решений. При таком единстве индивидуального начала и государственного большое значение приобретал нравственный принцип. Он был сформулирован Петром в указе от 16 июля 1721 г. лаконично и выразительно: «Должность всякого есть свое звание прилежно исполнять» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 98. Л. 23].

Сам Петр являлся примером особого поведения главы государства в эпоху преобразований — в достижении поставленных целей он разделял с народом все его трудности. Отсюда — его образ жизни, одежда, быт, система поведения.

Такие философские и общественно-политические идеи, новейшие принципы основ регулярного государства должны были быть соотнесены с новыми органами управления и с новым образом жизни. Они определили содержание дальнейших государственных и общественных преобразований. В 1711 г. Петр заменил реально прекратившую существование в его царствование боярскую Думу Правительствующим Сенатом, коллективным институтом, первоначальной обязанностью которого являлось исполнение функций управления во время отсутствия царя — участия в военных действиях и пребывания за границей. Сенат стал высшим после царя учреждением в делах государственных, гражданских и судебных, в контроле над доходами и расходами казны и т. д. [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 197–200; *Анисимов Е.В.* 1997. С. 240–270].

Небольшой по численности Сенат, состоявший из девяти членов и одного обер-секретаря, был назначен Петром не по принципу знатности и родовойности, как в XVI–XVII вв. составлялась Дума, а в соответствии с определяющим петровским началом службы Государству.

По шведскому образцу, но в приспособленном к российским условиям виде, при Сенате был создан фискалитет для юридического, административного и судебного надзора в гражданских, военных и церковных учреждениях. Обер-фискал назначался царем и ему подчинялся. С 1722 г. фискалитет был подчинен обер-прокурору.

В 1721 г. патриаршество было заменено высшим коллективным органом управления — Синодом. Эта реформа отменяла средневековую «симфонию» светской и духовной власти и превращала Русскую Православную Церковь в государственный институт.

В соответствии с принципами государственного устройства современных европейских государств Петр учредил в 1720 г. вместо средневековых по происхождению приказов девять коллегий — «Иностранных дел, Камор (финансов), Юстиц, Ревизион, Воинская, Адмиральтейская, Комерц, Штатс-Кантор, Берг- и Мануфактур-Коллегии». Их функции и структура были конкретно обозначены в «Генеральном регламенте». Число коллегий увеличилось со временем до двенадцати. В течение десяти лет, в 1719–1728 гг., была введена современная единая подушная подать, взимавшаяся со всех лиц мужского пола податных сословий, что значительно увеличило податную часть государственного бюджета, содействовало прикреплению налогоплательщиков к тяглу, государственному контролю над ними и введению системы паспортов. Коллегии функционировали в качестве основы центрального государственного аппарата все XVIII столетие, тогда как подушная подать в качестве основного прямого налога была отменена только в конце XIX в.

В 1722 г. Петр создал систему прокурорского надзора над работой государственных учреждений во главе с генерал-прокурором П.И. Ягужинским.

Новой структуре государственных институтов соответствовала реорганизация в 1708–1710 гг. территориального деления страны по губерниям, во главе которых находились губернаторы, обладавшие высшей местной административной, финансовой, судебной и военной властью. Они подчинялись только царю и имели свой штат для исполнения властных функций. В 1712–1715 гг. огромные по территории губернии начали подразделяться на провинции и входившие в их состав уезды, что создавало жесткую иерархическую систему прямого государственного управления. Вследствие еще не разработанной финансовой системы губернии стали также основой прямого губернского финансового и материального обеспечения расквартированных в них полков.

Большое значение имело массовое подключение Петром дворянства к процессу преобразований. В средние века дворяне служили князю, исполняя военные, административные и судебные обязанности, получая за службу отчисления от податей, штрафов, пошлин, условные земельные владения на время службы. Приобретали дворяне и собственные земельные владения — вотчины, которых лишить князю с прекращением ему службы было нельзя. В XVII в. дворяне все более оседали в своих вотчинах и поместьях, избегая службы государю и обучения. Так что основанием для поместных земельных владений становились лишь военные и государственные заслуги предков, их служба великому князю или царю.

Для того чтобы выйти из средневекового состояния, Россия нуждалась в многочисленных образованных специалистах и офицерах. Поэтому Петр стал подчас принудительно отправлять для обучения и профессиональной подготовки значительное число юношей из знатных и дворянских фамилий преимущественно в передовые в военно-техническом отношении страны, в Голландию, Англию, Францию. В списках этих юношей все перечислялись как равные, без указания княжеского титула, если такой юноша происходил из княжеского рода. Этот принцип должен был подчеркивать новое начало в Российском государстве — равенство перед законом и волей государя всех, от разночинцев до древней по происхождению титулованной знати.

Что касается прочих дворянских отпрысков, то Петр принуждал их учиться под угрозой запрещения жениться, как следует из указов 1714 г.: «Послать во все губернии по нескольку человек из школ математических, чтоб учить дворянских детей, кроме однодворцов приказного чина, цыфири и геометрии и положить штраф такой, что не вольно будет женитца, пока сего выучитца. И для того о том к архиреям о сем, дабы памятей венчалных не давали без соизволения тех, которым школы приказаны» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 75. Л. 38, 104].

Указом о единонаследии 1714 г. Петр уравнивал вотчины и поместья, принося дворян, не обладавших правом наследования, к государственной

службе или предпринимательской деятельности. Для контроля над всеми дворянами Петр поручил в 1722 г. герольдмейстеру С.А. Колычову «всего государства всех дворян списки иметь». Прекрасно зная состояние российского дворянства, Петр указывал Колычову, чтобы он для пользы государства принуждал дворян к образованию и к службе: «И понеже здесь еще учении не гораздо вкоренились, паче же в гражданских делах, а особливо во экономических делах почитай ничего нет, того ради пока академии исправятся, учинит ему краткую школу». Третью часть «от всякой знатных и средних дворянских фамилии» следовало обучать «экономии и гражданству». Петр знал, что дворяне стремятся избежать этих государственных обязанностей, а потому наказывал, чтобы они «под именем малых дел по городам не укрывалис <...> под штрафом натуральной или политической смерти».

Исходя из определяющих принципов служения Государству, а также учитывая особенности состояния дворянского сословия, Петр предпринял решительные меры по его реформированию. В соответствии с изданным в 1722 г. законом «Табель о рангах» основой высокого социального статуса становился не средневековый принцип происхождения, а служба. Поэтому аристократия формально становилась такой же составной частью дворянства, как и его низшие слои. С другой стороны, дворянство становилось открытым сословием, а государственная служба — средством вертикальной мобильности, поскольку, по петровскому закону, личное дворянство жаловалось с 14 класса, наследственное — на военной службе с 12 класса, а на гражданской — с восьмого. Дворянство стало пополняться талантливыми и трудолюбивыми разночинцами, для которых при Петре были доступны высокие государственные должности. Таким образом, в «Табели о рангах» в полной мере выразились петровские идеи общественной пользы и государственного блага [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 197–204, 353–355, 482; *Софроненко К.А.* 1961; *Федосов И.А.* 1987. С. 9–14; *Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г.* 1987. С. 51–76; *Шульгин В.С.* 1987. С. 357–365; *Анисимов Е.В.* 1982; 1997; *Власть и реформы.* 1996. С. 113–152].

Вероятно, эти идеи уравнивания людей всех сословий перед Государством и законом, приоритет службы Государству перед знатностью и богатством выразились также в петровском указе от 11 декабря 1717 г., в котором «объявлено, дабы никакого золота и серебра не носить, дабы напрасного убытку люди не имели, а особливо в нынешнее время войны» [Архив СПбИИ РАН. Ф. 270, оп. 1, ед. хр. 87. Л. 43]. Сохранение экономической стабильности хозяйств знати и дворянства, которые не должны были истощаться денежными тратами на дорогостоящие туалеты, видимо, лишь внешний повод для выражения основ идеологии петровского правления. Если допетровский боярский костюм, сохранявший русские средневековые традиции, был символом богатства, современный дворянский костюм петровского времени — символом принадлежности к высшему светскому сословию, то цитированный указ от 11 декабря от 1717 г., как представляется, должен был в символической

значимости костюма сблизить людей разных сословий в службе Государству. Таким идеальным выражением их уравнивания являлся армейский мундир. В гражданской одежде Петр постоянно показывал пример скромности, одевая украшенные дорогим шитьем камзол и кафтан лишь во время государственных приемов.

Петр указывал в изданных им указах, законах, уставах, в переписке в связи с их подготовкой, что он и лица, которые были заняты в написании проектов, учитывали в них опыт соответствующих материалов, преимущественно английских, французских, шведских, голландских, немецких, датских. В частности, при подготовке в 1718 г. морского устава Петр написал сам о конкретном сопоставлении соответствующих норм в разных странах: «Сие выписать из аглинских, французских, датских, швецких и галанских уставов и привести по пунктно о каждой материи, зачав англинским, а ко оному ис протчих приводить в обеих книгах <...>» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 87. Л. 292; *Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 57].

Исследователи постоянно обращали внимание на эти факты, как в равной мере и на то, что такое использование западного опыта могло повторяться и быть творчески переработанным. Эти переработки осуществлялись самим царем, который в случае необходимости учитывал результаты коллективного обсуждения. Показателен в последней связи указ Петра от 9 мая 1718 г. о сопоставлении ведения дел юстиц-коллегии по русскому Уложению и шведским законам: «Из уложения и уставов шведских, что касаетца до юстиц-коллегии, те дела исправлять в коллегии, а которыя государственныя разпорятки <...>, то выписывать и приносить в Сенат, где надлежит спускать с рускими обычай, что может быть по старому и что переменить, то все ставить на мере в Сенате и изготовить к будущей осени в доклад» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 87. Л. 390; курсив наш. — М. С.; см.: *Маньков А.Г.* 1970. С. 112–126].

В исследовательской литературе было отмечено, что при реорганизации государственных учреждений Петр учитывал преимущественно шведский опыт. Ему были близки их определяющие принципы специализации центральных учреждений, распространение функций на всю страну, коллегиальность управления, регламентация обязанностей чиновников, устойчивые штаты служащих, получавших фиксированное денежное жалование [*Троицкий С.М.* 1977. С. 67–75; *Власть и реформы.* 1996. С. 129–130; *Анисимов Е.В.* 1997. С. 116–142].

Петровские реформы создавали в России два, казалось бы, противоположных процесса. С одной стороны, сверху вниз выстраивалась новая вертикаль правительственных учреждений, которая обеспечивала систему прямого государственного управления страной самодержавным монархом. На эту сторону деятельности Петра исследователи постоянно обращали внимание, указывая как на ее негативный результат на бюрократизацию

государственного аппарата и всеилие бюрократии со всеми отрицательными следствиями этого явления. Но с другой стороны, последовательно проводимые Петром принципы естественного права, общественного договора и государственной пользы создавали условия для формирования в разных слоях социально активного населения новой идеологии — не службы государю, а служения Государству. В этих обстоятельствах государь и Государство в общественном сознании отождествлялись. Происходил двуединый процесс создания основ аппарата государственного управления, свойственного Новому времени, появления начал служения обществу и Государству, осознания особого значения социально активного поведения.

Видимо, эти процессы наиболее полно выразились в принятии Петром титула «Отца отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого». Присвоение Петру титула «император» и тем самым превращение Российского царства в империю завершало на высшем уровне создание новой системы государственного управления. Но, с другой стороны, этот титул предлагался царю Сенатом, высшим органом гражданского управления, что символизировало представление им интересов всех россиян. Поэтому для историко-идеологического обоснования «Представления» Сената о новом титуле царя в системном продолжении культуры классицизма авторы прошения обратились к античной традиции «с прикладу древних, особливо ж римского и греческого народов». Вместо средневековых генеалогических легенд о родстве русских царей с Августом-кесарем авторы «Представления» обратились к античному историческому опыту наделения героя императорским титулом как признания побед (в данном случае — в Северной войне) и признания высшего статуса самодержца (конкретная ситуация в России начала XVIII в.). Поэтому сенатское «Представление» начиналось традиционно для российской действительности, обозначая верховное положение царя и самодержца — «По неже труды Вашего Величества в произведении нашего отечества и подданного Вашего всероссийского народа всему свету известны, того ради, хотя мы ведаем, что В. В. яко самодежду вся принадлежит». Но завершалось оно не по древнеримской модели, а по ее подобию, трансформированному в соответствии с эстетикой классицизма эпохи абсолютистских режимов в Европе конца XVII — первой половины XVIII в. — «по нашем всеподданнейшем благодарении за исходатайствование оного мира [в Северной войне], принесть свое прошение к Вам публично, дабы изволили принять от нас, яко от верных своих подданных, во благодарение титул <...> как обыкновенно от Римского Сената за знатные дела императоров их такие титулы публично им в дар приношены и на статуах для памяти в вечные роды подписываны» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 155].

Все эти и многочисленные другие преобразования создали в России новую государственную систему, соответствующую требованиям XVIII столетия, но сохранившую основы средневекового общественно-политического

стройка — самодержавие монархической власти, сословный строй и крепостное право. Эта новая система позволила России решить те необходимые для нее геополитические задачи, которые она не могла выполнить при ее прежнем устройстве — укрепить военную безопасность и обеспечить территориальную целостность, обеспечить выход страны к Черному и Балтийскому морям, что определило основные направления ее последующей внешней политики, обеспечить активную балтийскую торговлю. Петровские преобразования с их последующими коррективами и дополнениями, особенно их продолжение в правление Екатерины II, создали условия для существования и развития российской государственности в XVIII в., воссоединения территорий, составлявших до XII в. «Русскую землю» и завоеванных в XIV в. ее западными соседями.

Венчало эту систему реформ создание Петром основ современного светского школьного и специального образования, а также основание Академии наук.

По мнению Петра, образование должно было не только делать людей грамотными. Оно должно было подготовить их к осознанному бытию в системе Государства и нравственных отношений между людьми, к «познанию Бога и своей должности в гражданском житии» [здесь и далее текст «Регламента Главного магистрата» по шестой редакции Е, отредактированной Петром, см.: *Воскресенский Н.А.* 1942. С. 65–66]. Ранее исследователи анализировали результаты этой политики Петра в создании школ разных уровней подготовки, центров профессионального образования, в создании Академии наук и в ее структуре. Но при этом не уделялось внимания анализу петровских идей об особом значении образования. Между тем, они последовательно выражены в подготовленном под руководством Петра «Регламенте Главного магистрата», подписанном царем 16 января 1721 г. Петр не только контролировал содержание его текста, но также активно участвовал в редактировании всех его шести редакций.

Очень важен характер редактирования царем текста «Регламента», которому он придавал недвусмысленную определенность. В нем выражено крайне отрицательное отношение к людям необразованным, которые несут угрозу обществу и Государству. Для их характеристики Петр не жалел бранных слов (в скобках приведены зачеркнутые царем слова, курсивом выделено написанное им): «(Покамест) школы в (каком) *котором* государстве не (определены) *учреждены* и во употребление *не* приведены (не будут), и малолетные дети, (аки) *яко* скот, возрастают, *тогда мало возможно* от жителей (той страны) *той земли* или города (вelmi мало о добре есть надежды) *добраго уповат*, понеже без учения никакой человек не может знать, како ему *надлежит пред* Богом *пред* (своему) началств(у)ом *своими* родител(ем)и и учите(ем)ли своим(ъ)и, со христианоми (и себе самому служить) *поступат*. Колико (же) в (сих таких) обучениях (есть недостаток) *он таковой науки не* имеет, *толико* такой человек (безсловесным) *несмысленному* скот(ом)у есть еще (у)подобен».

Образование людей несет благо стране, отношениям между людьми и государственным отношениям в целом. Обобщая эти положительные следствия, «Регламент», отредактированный Петром, утверждал: «(Вкратце обявит) *Единым словом* академии и школы сочиняют новой народ и новой свет, как мы во многих иных европейских нациях видим <...>». Эта фраза по внешнему выражению соотносится с изречением митрополита Илариона «В слове о Законе и Благодати» по поводу крещения людей русских за, приблизительно, 670 лет до написания «Регламента Главного магистрата»: «Лепо бе благодати и истине на новы люди вьсияти» [*Иларион митрополит*. 1997. С. 38]. Но определяющая причина преобразования стала иной. Впервые в начале XVIII в. благодатью и истиной стали считать просвещение, которое создает «новый народ».

Для доказательства этой мысли Петр и его сподвижники указывали на западноевропейские «народы», «которой прежде 500 (лет еще едва не все) *годами бошшая часть*, а прежде 1000 (лет) *годами* еще все между варвар(ы)ами (из) числялися», т. е. тысячу лет назад все они считались «варварами», а пятьсот лет назад — бо́льшая их часть. Авторы «Регламента Главного магистрата» достаточно точно указали, что «варварство», под которым подразумевалось в это время средневековье, лишь в немногих странах, прежде всего в Италии, Франции, Англии, начало преодолеваться в XIII в. с развитием ремесла и торговли, городов и городской культуры, с появлением в этих странах первых университетов.

Но данное историческое обоснование авторы сочли недостаточным. Истинность того, что «академии и школы сочиняют новой народ и новой свет», в чем Петр к 1721 г. уже многократно убедился, авторы «Регламента» подтвердили и современным опытом. Петр отредактировал данный текст следующим образом: «(И сие) *Сей* есть славнейших пункт (от всея) всей поли(тики) *цеи* и (главнейшая) *единая из главных* должност(ь)ей высоких правителей».

Такое понимание особого значения для России образования и, шире, просвещения было свойственно Петру все время его правления. Со временем оно развивалось и углублялось, обогащенное его личным и международным опытом.

Уже в 1698 г. создана первая школа «цифири и земледелия». В 1701 г. в Москве были открыты всеобщие «Школа математицких и навигацких, т. е. мореходных хитростно наук учению» («Навигацкая школа») и Артиллерийская школа, а при Московском военном госпитале — Медицинская школа. Учащимися последней становились по указу Петра ученики Славяно-греко-латинской академии, которые знали необходимый для врачебной профессии латинский язык. В «Навигацкой школе» в 1710 г. было около 500 учащихся. Они становились моряками, артиллеристами, геодезистами, инженерами, учителями «цифирных» школ.

В 1715 г. создана Морская академия в Петербурге. В нее были переведены из Москвы старшие классы «Навигацкой школы» и ее преподаватели

А.Д. Фарварсон (Г. Фархварсон) и С. Гвин. Но сама школа была оставлена в Москве и стала подготовительной [Гузевич Д., Гузевич И. 2008а. С. 101]. Первоначально всесловная московская Инженерная школа стала базой созданной в 1723 г. в Петербурге Инженерной школы. В Морской академии, а также в старших классах Инженерной и Артиллерийской школ обучали только дворянских детей.

При заводах в Олонце и на Урале было основано в 1716 и 1721 гг. несколько Горных школ.

Для технических и военных учебных заведений преподаватель «Навигацкой школы» Л.Ф. Магницкий издал уже в 1703 г. «Арифметику» — замечательное для своего времени учебное пособие по математике, геодезии, навигации и практической астрономии.

С 1703 г. в Москве юноши обучались в Академической гимназии пастора Э. Глюка для подготовки переводчиков и чиновников в Посольском приказе и позднее — в Иностранной коллегии. Гимназистов учили в ней преимущественно древним и современным иностранным языкам. После смерти Глюка программа обучения философии, географии, математике, физике, риторике продолжения не нашла, но в качестве особых предметов были добавлены танцы, фехтование, верховая езда и выездка лошадей. В 1710 г. гимназия была разделена на четыре школы — немецкую, французскую, латинскую, шведскую. Но в 1715 г. они были закрыты, а учителей и часть учеников перевели в петербургскую Морскую академию. С 1721 г. учеников начала воспитывать созданная Феофаном Прокоповичем школа, многозначительно названная «Питергартен» — «Петровский сад».

Грамотное белое и черное духовенство подготавливали «школы латинские и греческие», в которых предпочтительное право обучения имели дети священников и дьяконов. С 1714 г. при крупных монастырях и архиерейских домах создавались и содержались всесловные «цифирные школы», где обучали арифметике и началам геометрии. После смерти Петра Великого их ученики из духовного сословия были переведены в епархиальные духовные школы, тогда как солдатские дети — в школы гарнизонные и солдатские [Фруменкова Т.Г. 2003. С. 136–143].

В результате целенаправленной политики Петра по созданию в России системы начального образования и профессиональной подготовки по приближенным подсчетам в 1727 г. существовало около 80 учреждений, в которых обучалось до 5000 человек. Несмотря на недолговечность некоторых из учебных заведений и недостаточный уровень образования в них, были заложены основы той системы, которая имела возможности дальнейшего развития и обеспечивала потребности страны в образованных людях на начальном этапе России Нового времени. Значительным был процент грамотности среди приказных людей, офицеров и сержантов [Луппов С.П. 1973. С. 11–43, 53; Белявский М.Т. 1987. С. 259–264; Уткина Н.Ф. 1988. С. 8].

Но России, быстро развивавшейся в правление Петра, профессионально подготовленных людей постоянно не хватало. В продолжение всего его царствования из разных стран приглашались специалисты, которые по условиям контракта должны были подготовить также определенное количество российских учеников. Поэтому в 1717 г., через 20 лет после начала преобразований, Петр должен был предоставить особые полномочия барону Людвигу фон Люберасу для привлечения западных специалистов: «Понеже мы всемилостивейшее намерены некоторых искусных и способных людей, дабы оных в наших гражданских делах употребить, такожде некоторых фабрикеров, художников и ремесленных людей в нашу службу принять, того ради мы нашему тайному советнику барону фон Люберасу комиссию и полную мочь дали таковых способных людей и особ в нашу службу принимать и кондиции с оными учреждать и заключать, еже все от нас апробавано и за благо принято будет» [Бычков А.Ф. 1872. С. 43]. Проблема подготовки специалистов высшего уровня оставалась для России по-прежнему актуальной.

Петр осознал, что подготовка профессионалов в стране, скорейшее распространение новейших научных и практических знаний невозможны без распространения научной и технической литературы. Невозможно формирование слоя образованных людей и без распространения современной художественной литературы.

В конце XVII в. существовавший в Москве Печатный двор издавал книги преимущественно богослужебные и религиозного содержания шрифтами, близкими к средневековому полууставу. Поэтому он не мог выполнить стоявшие перед страной задачи распространения научных и технических знаний. Прекрасно зная возможности отечественного издательского дела, в 1700 г. Петр предоставил монопольное право на 15 лет амстердамскому типографу Яну Тессингу издавать и продавать в России «земные и морския картины и чертежи, и листы, и персоны, и математическия, и архитектурныя, и городостроительныя и всякия ратныя и художественныя книги на Славянском и на Латинском языке вместе, тако и Славянским и Голанским языком по особну, от чего б нашего царского величества подданные много службы и прибытка могли получитьи и обучатися во всяких художествах и ведениях <...>». В последующем тексте конкретизировалось, что «земныя и морския картины и чертежи» — «Европейския, Азиатския и Америцкия». Право печатать «книги церковныя Славянския Греческия» царь сохранял за московскими типографиями [ПБПВ. 1887. Т. 1. С. 328–329]. Уже в начале своей преобразовательной деятельности Петру были очевидны самые необходимые потребности страны в современных книгах и картах. При этом русская книжность должна была стать органической составной частью книжности общеевропейской, включавшей латинский язык как язык международного научного сообщества и общения.

Петр не придавал значения тому, на каком европейском языке книги написаны. Он считал, что современным русским грамотным людям эти книги должны быть доступны. Главное их достоинство, по его мнению, — высокое качество. Поэтому он указывал князю Б.И. Куракину в 1707 г.: «По получении сего письма купить новых и лучших архитектурских книг [хорошо б на Латинском языке, а буде не сыщешь, то на каком ни будь], також и фортификации разных авторов; и, купя, выслать <...>» [ПБПВ. 1907. Т. 5. С. 283]. Но для того, чтобы содержание этих книг быстро осваивалось широким кругом российских читателей, Петр всячески способствовал переводу иностранных книг на русский язык, настаивая, как отмечено ранее, на качестве перевода, который должен был быть ясным и точным.

Необходимой составляющей новой грамотности и книги в России должен был стать новый алфавит, освобожденный от средневековых традиций. В издательской практике 1707–1709 гг. Петр обращал внимание на существенное упрощение графики букв, уменьшение их размера, что увеличивало количество текста на странице и облегчало его прочтение. В специально для Петра напечатанном «Изображении древних и новых писмен славенских, печатных и рукописных» он выбрал наиболее простые из них и изящные в своей графике, указав при этом: «Сими литеры печатать исторические и мануфактурныя книги. А которыя подчернены (т. е. вычеркнуты. — М. С.), тех [в] вышеписанных книгах не употреблять» [ПБПВ. 1956. Т. 10. С. 27]. Датировано было это указание 29 января 1710 г.

Гражданская азбука являлась таким же знаковым событием в создании российской новой культуры и государственности, что и другие петровские преобразования. Она сделала возможной массовую публикацию книг светского содержания.

Значительно активизировалась издательская деятельность в самой России. Уже в 1705 г. в Москве была учреждена для издания светских книг типография В.О. Киприанова. Ее деятельность находилась под контролем сподвижника Петра Я.В. Брюса. Московский Печатный двор продолжал свою деятельность. По петровскому указу от 29 октября 1710 г. была создана Петербургская типография, в которой в 1721 г. работало пять станов только гражданской печати. Типографии были организованы также при Сенате для публикации правительственных документов, при Александро-Невской лавре и Морской академии. Продолжали издательскую деятельность типографии в Киеве и Чернигове. Существовали типографии также в Риге и Ревеле. В 1721 г. контроль над деятельностью российских типографий был передан Синоду, но типографии Сената, Морской академии и прибалтийские реально находились вне его ведения.

Если в 1701 г. было издано 8 издательских единиц, то в 1724 г. — 149. Особенно активизировалась издательская деятельность после введения в 1708 г. гражданского шрифта и с 1714 г. — с началом книгопечатания в Петербургской типографии.

Хотя книгопечатание в России испытывало определенные трудности с финансированием, цензурным контролем, распродажей тиражей и т. д., оно создало в первой четверти XVIII в. обширную и многообразную в своем составе библиотеку оригинальных и переведенных книг по военному делу, навигации, кораблестроению, по естественным наукам, математике, механике, технике, астрономии, географии, по гуманитарным дисциплинам, истории, филологии, политике, юриспруденции. Издавались не только книги, но также карты и гравюры [Луннов С.П. 1973. С. 55–107]. В значительных количествах в Россию ввозились книги на иностранных языках [Копанев Н.А. 1988. С. 24–28].

В петровское время работали 69 переводчиков, происходивших из разных сословий. Одни являлись профессионалами, другие занимались переводами «по случаю». Показательно значительное число тем в изданных переведенных книгах с 1708 по 1724 г.: математика и механика — 11, география, астрономия, геодезия — 12, календари — 38, навигация, кораблестроение, техника организации тылов — 35, гидротехника, технология, медицина — 7, фортификация — 14, артиллерия — 5, организация войск — 15, архитектура, садоводство — 5, педагогика, словари — 15, история, философия, литература — 34, геральдика, воспитание, церемониалы, пиротехника, которая имела в XVIII в. церемониальное и воспитательное значение, — 48, дипломатия, международные отношения — 19, правоведение — 62 [Gouzevitch I. 2006. P. 841–862].

Такие качественные изменения в создании в России современной книжной среды были возможны лишь вследствие целенаправленной политики Петра, который знал и любил книгу. Насколько хорошо Петр овладел книжным делом, свидетельствует его письмо от 4 января 1709 г. И.А. Мусину-Пушкину, тогда руководителю Монастырского приказа, в ведении которого находились московский Печатный двор и его продукция. В связи с присланными Мусиным-Пушкиным книгами он писал: «Но печать во оных книгах зело перед прежнею худа, не чиста и толста, в чем вам надлежит посмотреть гораздо, чтоб так хорошо печатали, как прежние <...>. Також и переплет против оных же, ибо нынешней присылки переплет очень дурен, а паче всего дурен оттого, что в кореню гораздо уско вяжет, отчего книги таращатца, и надлежит гораздо слабко и просторно в кореню делать. Також и в купорштихерсе (т. е. в гравюрах. — М. С.) — знать, что спешено (т. е. поспешно. — М. С.), — не гораздо чисто. В Римплеровой (имеется в виду книга Г. Римплера «Римплерова манира о строении крепостей». — М. С.) чертежи вели впредь переплетать к задней доске все <...>; также несколько книг <...> вели напечатать и переплесть столь велики, каковы велики фигуры, чтоб не згибая оныя были в книге». Эти и последующие полиграфические пожелания Петра свидетельствуют о том, что он являлся не только знатоком книжного дела. Он любил книги и хотел, чтобы они были максимально удобны в постоянном обращении.

Петр желал, чтобы новая для России печатная продукция входила в ежедневную жизнь грамотных россиян всех сословий. Поэтому в том же письме И.А. Мусину-Пушкину он указал, чтобы тот прислал в действующую армию, где тогда находился царь, полторы–две тысячи календарей, «дабы возможно афицером на каждой день приписывать свои дела, и человека, кому продавать (зело охотно купят); а на Москве, тажкож и по городам вели продавать» [ПБПВ. 1950. Т. 9, вып. 1. С. 12–13].

Показателем нового культурного уровня и образования россиян стали частные библиотеки.

Библиотека Петра, к которой была присоединена библиотека его любимой сестры Натальи Алексеевны после ее кончины в 1716 г., состояла, по подсчетам С.П. Луппова, из 1621 книги, 1351 карты, чертежей и иллюстраций. Их преобладающее большинство было посвящено естественнонаучным дисциплинам, технике и военному делу: морское дело и кораблестроение (202), военное дело (166), техника (38), математика, физика, химия (48), география, космография, атласы (143), архитектура, садово-парковое дело (109). В меньшей мере, но значительным, был интерес Петра к гуманитарным дисциплинам и литературе: история, геральдика (149), лексиконы, грамматики и пр. (19), политика (19), нравоучительная литература и образцы писем (26), юридические дисциплины, экономика, финансы (24), научная периодика (10), художественная литература (65), прочая светская литература, календари, азбуки, верховая езда, охота, фехтование, музыка и т. д. (36). В библиотеке Петра находилось также значительное число книг религиозного содержания — 303.

Немногим более половины книг составляла русская литература (847). На французском языке книг было 151, на немецком — 144, на голландском — 104, на латинском — 69, на польском — 45, на итальянском — 26, на английском — 15, на греческом — 12, на шведском — 4. В числе книг на иностранных языках находились также книги многоязычные, двуязычные. Впрочем, поскольку в реестрах петровских книг 201 экземпляр назван без указания языка, а само число книг приближалось, вероятно, к двум тысячам, то приведенные ранее подсчеты относительны, хотя в полной мере репрезентативны.

В состав библиотеки Петра входили также рукописные книги духовного и светского содержания. Некоторые из них принадлежали ранее царевичу Алексею Петровичу [Луппов С.П. 1973. С. 166–177; Библиотека Петра I. 1978; Библиотека Петра I. 2003].

Структура петровской библиотеки по своему содержанию характерна для библиотек государственных деятелей и просвещенных людей того времени. Их состав отражал особенности интересов и образованности их владельцев. В библиотеке шотландца по происхождению Я.В. Брюса находилось около 1600 книг 1410 названий преимущественно на немецком, английском и латинском языках. В ней преобладали книги по физико-математическим,

геолого-географическим и военным наукам, особенно по артиллерии и фортификации, а также по медицине. Брюса интересовали также история, философия, архитектура, искусство и филология. Кроме русского, он читал на немецком, английском, голландском и латинском. Французского языка он не знал, хотя в его библиотеке находились 25 французских книг [Луппов С.П. 1973. С. 184–203; Библиотека Я.В. Брюса. 1989]. Видимо, он мог пользоваться ими, как и книгами на других языках, которыми не владел, — итальянском, шведском, польском и других, — с помощью своих секретарей.

Князь Д.М. Голицын, который в правление Петра занимал высшие государственные должности киевского губернатора, президента Камер-коллегии и сенатора, был чрезвычайным послом в Турции, собрал значительную библиотеку, по подсчетам С.П. Луппова — около 3000 книг. 994 из них — на французском, 682 — на русском и славянском, 447 — на латинском, 348 — на немецком, 131 — на итальянском, 68 — на английском, 44 — на голландском, 23 — на испанском, 14 — на польском, 5 — на шведском, 4 — на греческом. Значительное место занимали иностранные книги, посвященные политическому строю государств, соотношению властей монарха и парламента, в частности, произведения Макиавелли и Бокалини, что ему инкриминировалось во время ареста и суда в 1737 г. как преступление. Часть книг была посвящена аристократии, ее происхождению и значению в обществе. Содержание этих книг соотносилось с политической позицией Д.М. Голицына, после смерти Петра — одного из руководителей аристократической оппозиции монархической власти.

Много иностранных книг в библиотеке Д.М. Голицына было по истории дипломатии и дипломатическому искусству, праву, истории, в частности, истории Польши, были также произведения античных авторов.

Русские книги — преимущественно исторического и в меньшей степени географического содержания. В их числе находились также книги по филологии, астрономии, математике, медицине и биологии, военным наукам, архитектуре, кораблестроению, навигации, экономике и другим дисциплинам.

Показательно, что выдающиеся книжные собрания Петра, Я.В. Брюса и Д.М. Голицына являлись не коллекциями, а библиотеками, которыми их владельцы постоянно пользовались [Луппов С.П. 1973. С. 184–223].

Во время петровского правления образованность, знание иностранных языков, обширные сведения в разных областях знаний стали не только условием успешной государственной деятельности, но также образом жизни людей, стремившихся, как писал Петр Великий, к «свету разума». Поэтому в этот период у людей самого разного происхождения и социального положения существовали библиотеки, состоявшие из русских и иностранных книг, включая их переводы. Такими библиотеками, большими или меньшими по количеству, владели А.А. Матвеев, П.П. Шафиров, А.Д. Меншиков, Б.П. Шереметев, князя Долгорукие, справщик, позднее руководитель Московской типографии Ф.П. Поликарпов, переводчик и государственный дея-

тель А.А. Виниус, лейб-медик Петра Р.К. Арескин, лекарь Д.Е. Тверитинов, преподаватель Навигацкой школы в Москве, а позднее Морской академии в Петербурге А.Д. Фарварсон (Г. Фархварсон), А.П. Ганнибал, а также многие другие светские и духовные лица [*Луштов С.П.* 1973. С. 223–264; *Лебедева И.Н.* 1983. С. 98–105; *Саверкина И.В., Сомов В.А.* 1988. С. 145–160; *Трофимова Н.С., Хотеев П.И.* 1988. С. 161–168].

Наряду с традицией монастырских, церковных и архиерейских библиотек, которые хранили еще недоступные для людей светских ценнейшие материалы для изучения отечественной истории, в России петровского времени существовали библиотеки типографские, а также учебных заведений, старейшими из которых являлись библиотеки в Москве Типографская и Славяно-греко-латинской академии. Продолжалась восходящая к приказам XVII в. традиция библиотек при крупных государственных учреждениях [*Луштов С.П.* 1973. С. 277–319].

Таким образом, в Петровский период были созданы объективные условия для научных исследований в России. В разных видах промышленности распространялись современные для начала XVIII в. технологии. Армия и флот постоянно нуждались в современном вооружении и образованном офицерском корпусе. В российском обществе распространялась грамотность, в Москве и Петербурге появились учебные центры высшей профессиональной подготовки. Так что страна все более удовлетворяла потребности в кадрах офицеров, чиновников, специалистов гражданских профессий, подготавливая их в России.

Были созданы современная полиграфия и необходимый для нее гражданский шрифт. Возникли библиотеки, частные и при государственных учреждениях, где находились труды научного содержания на русском и многих иностранных языках. Начали быстро распространяться научные знания. Православие продолжало оставаться государственной религией, и церковь не была отделена от государства, но появилась свобода вероисповедания. Россия превратилась из средневекового царства в современную империю, органично включенную в систему политических отношений лидирующих тогда мировых держав.

В контексте такого нового состояния России все более становилось очевидной необходимостью создания в стране университета и Академии. Г.В. Лейбниц, который уже с конца XVII столетия проявлял самый пристальный интерес к России, к вопросам распространения в ней образования и наук, подготовил еще в 1708 г. явно по заданию Петра записку о распространении научных знаний в России. Как написал в данной связи философ, «по требованию его превосходительства царского уполномоченного я набросал здесь на бумаге несколько мыслей о введении истинной науки в обширном государстве его царского величества <...>».

По мнению Г.В. Лейбница, «науки и художества» следовало «перенести» в Россию, чтобы их в дальнейшем «возделывать». Указал он и конкретные

методы такого «перенесения»: «Перенести науки и художества можно посредством сведущих людей и посредством приобретения необходимых пособий, состоящих преимущественно в книгах и в произведениях природы и искусства. Для этого нужны библиотека, музеи по естественной истории и по искусствам, зоологический и ботанический сады, обсерватория и лаборатория».

Особое значение в плане Г.В. Лейбница приобрела библиотека. В данной связи он отмечал: «Библиотека должна быть сколько возможно обширна и хорошо снабжена <...>. По моему мнению, <...> следовало бы приобрести по всем предметам что-нибудь отличное, но в особенно большом количестве книги по реальным предметам, под которыми я разумею: 1) математику с механикою; сюда относятся астрономия и ее применения к географии, мореплавание, военное искусство и архитектура; естественные науки (phisica) по трем царствам природы; сюда же принадлежат земледелие, горное дело, химия, ботаника, анатомия, медицина со всеми художествами, основанными на знании природы; 3) историю, которая включает в себе описание времен и мест, следовательно, объяснение отдельных случаев <...>; сюда входят описания и истории государств и областей, сочинения по государственному праву и особенно путешествия. Латинские книги должны составить главный отдел библиотеки; но не следует забывать хорошие сочинения на немецком, английском, голландском, французском и итальянском языках, так как в них находятся важные сведения особенно для практики, которых напрасно станешь искать в латинских книгах. Греческие печатные сочинения я причисляю к латинским, так как они большей частью снабжены латинским переводом. Но не следует также упускать из внимания, кроме славянских, арабские, персидские, турецкие и китайские книги, и при этом должно стараться приобретать разные древние и новые рукописи. Особенно нужно заботиться о собирании гравюр и рисунков, в которых представлены произведения природы и искусства и изобретения людей, чтоб идеи становились, таким образом, доступными для глаза и, так сказать, воплощались».

Из этого плана Г.В. Лейбница следовало, что библиотека имела для утверждения научных знаний в России определяющее значение. Она не только аккумулировала уже существующий научный опыт и способствовала его распространению. Она создавала условия для определения основных направлений предстоящих исследований, содействовала собиранию и тем самым спасению рукописей как памятников культуры и источников исторической информации.

Г.В. Лейбниц обращал внимание царя на большое значение в утверждении и развитии научных знаний музея и относящихся к нему «кабинетов и кунсткамер, арсеналов, галерей древностей, скульптуры и живописи, зоологических и ботанических садов, помещений для моделей и орудий, цейхгауза и проч.».

На новом уровне развития естественных наук и техники конца XVII — начала XVIII в. Г.В. Лейбниц отметил большие возможности химии в значитель-

ном комплексе дисциплин и в познании сущности материи: «Нужна также лаборатория с хорошими химиками <...>, сведущими во всем, что может быть достигнуто посредством огня. Эта лаборатория должна была бы находиться в связи с аптеками, медицинской частью и горным делом, с монетным и пробирным дворами, с металлическими и стеклянными заводами и артиллерийским управлением <...>, можно было бы там производить множество прекрасных опытов и посредством их исследовать свойства тел, разлагать их, увеличивать их силу и совершенствовать их, ибо огонь представляет самый главный ключ к объяснению сил природы». Как особую отрасль знаний, необходимых в становлении российской науки Лейбниц выделил астрономию в ее связи с практическими областями применения в географии и мореплавании.

При организации науки в такой обширной стране, как Россия, Г.В. Лейбниц признавал, что «необходимо было бы ближе знать обстоятельства страны и людей». Но, учитывая особенности страны, он видел необходимыми для главного научного коллегиального учреждения властные, организующие и контрольные функции: «<...> необходимо учреждение особенной влиятельной коллегии, с обширным кругом власти, от которой бы зависели до известной степени высшие и низшие учебные заведения, назначение ученых, книжное дело, типографии, переводы, цензура книг, а также художники и ремесленники с их произведениями».

Г.В. Лейбниц в полной мере осознавал, что продолжительная и дорогостоящая Северная война задерживает осуществление предложенных им мер по утверждению и развитию научных знаний в России [*Герье В.* 1871. С. 13–17, 49–50, 65–66, 71–77].

Позднее, в 1712, 1715 и 1716 гг., Г.В. Лейбниц вновь обращался к царю с предложениями о создании в России школ, университетов и академий. Университеты он предложил основать в Москве, Петербурге, Киеве, Астрахани. Для содействия развития наукам он советовал подготавливать словари алфавитные, но лучше энциклопедические систематические, гуманитарные и технические, в которых содержание предметов было бы изложено в реалиях, история — хронологически, география — по государствам. Особым видом изданий должно было стать полное изложение содержания каждой науки. Наконец, распространению практических и научных знаний должны были способствовать полные, средние и сокращенные руководства по их самым разным отраслям. Полного такого руководства с необходимыми рисунками, чертежами и т. д. еще не создано, так что оно могло бы стать результатом трудов Академии.

Обратился Г.В. Лейбниц с предложением и о создании коллегий, в том числе ученой коллегии, которая должна была представлять собой своего рода Академию с административной властью и главным надзором над народным просвещением. Отметил он необходимость создания университета, состоявшего из большого здания, хорошей библиотеки и типографии. Эти

предложения Лейбница не были осуществлены, но они положительно сказались на решении Петра учредить Академию наук в Петербурге [Герье В. 1871. С. 142–143, 190–200; об авторстве Лейбница записки о коллегиях см.: Лаппо-Данилевский А.С. 1914. С. 22–24]. Особое значение в записке было уделено отправлению молодых людей для обучения за границу, чтобы они после возвращения стали отечественными специалистами.

Записки Г.В. Лейбница свидетельствуют о том, что и до ознакомления с ними Петр осуществлял в своей деятельности по собиранию книг, произведений искусства, естественнонаучных коллекций одно из названных философией направлений научных знаний. Столь же самостоятельной являлась деятельность Петра по приглашению иностранных специалистов в самых разных областях знаний на российскую службу, включая самого Г.В. Лейбница, а также в обучении в западных странах отечественной молодежи. Впрочем, записки философа указывали приоритеты в организации науки в России, которые Петр учитывал, осуществляя их или, что было ему свойственно, творчески их переосмысливая. По словам А.С. Лаппо-Данилевского, «в сущности, Петр Великий придерживался программы, почти во всем соответствовавшей пожеланиям Лейбница, и, значит, ставил себе задачи, которые самые просвещенные люди того времени считали очередными» [Лаппо-Данилевский А.С. 1914. С. 18–19]. Определенное преувеличение здесь советов Лейбница присутствует, но вывод Лаппо-Данилевского в полной мере обоснован — Петр ставил перед страной и собой те задачи, которые являлись необходимыми, «очередными», по мнению самых просвещенных людей того времени.

В соответствии с предположением С.П. Луппова, книги Аптекарской канцелярии и царской библиотеки по медицине и истории составили начальный фонд будущей публичной библиотеки, которой предстояло стать Библиотекой Академии наук. Туда же стали поступать книги, которые покупались по указанию Петра или конфисковались. Вскоре число книг приблизилось к двум тысячам.

В 1713 г. в Париже был принят на российскую службу магистр философии Иоганн Даниил Шумахер, который окончил университет в Страсбурге. Когда в 1714 г. он прибыл в Россию, то получил должность библиотекаря. Ему был поручен разбор книг, находившихся в служебном корпусе Летнего дворца, их систематизация и составление каталогов и выдача книг пока единичным читателям. Поэтому 1714 г. считается датой основания Библиотеки Академии наук (далее — БАН). Если в 1714 г. она насчитывала 2000 книг, то к концу 1725 г., когда императорская библиотека стала выдавать книги академикам — 11803 [Луппов С.П. 1973. С. 319–358; см. там же анализ предшествующих работ Г.Ф. Миллера, И.Г. Бакмейстера, П.П. Пекарского, Н.К. Никольского, Н.Ю. Бубнова о комплектовании и составе библиотеки; см. также: Летопись библиотеки Российской Академии наук. 2004. Т. 1. С. 17–45; Леонов В.П., Савельева Е.А. 2006. С. 3–14].

Библиотека и Кунсткамера, открытая для публичного посещения, стали первыми составляющими петровского плана создания Академии как организации, занимающейся научными исследованиями. Библиотека приобрела в ней особое значение как центр научной информации и просвещения. Единственным библиотекарем, который должен был выполнять многочисленные обязанности по ее организации и функционированию, являлся И.Д. Шумахер.

Показательно особое отношение, которое сложилось в это время в России к библиотекам. Его раскрывает афористичное выражение в окончательном беловом тексте «Духовного регламента», подготовленном в 1720 г., в обсуждении и подготовке которого участвовал Петр: «без библиотеки, как без души, академия» [*Воскресенский Н.А.* 1942. С. 337]. Понятие «академия» отнесено в данном тексте «Духовного регламента» к учебным заведениям. Но эта мысль в полной мере относится и к Академии как объединению ученых, центру научных исследований.

Венчало преобразовательную деятельность Петра создание Петербургской Академии наук. Учитывая опыт организации академий в западноевропейских странах, Петр учредил ее для «всемирной пользы», исходя из реального состояния образования и научных знаний в России того времени. Ее созданию способствовало осознание Петром возможностей и необходимости в современной России начала собственных научных исследований.

В связи со спуском на воду нового военного корабля в 1714 г. Петр произнес речь, в которой обратился, в частности, к теме наук в России: «Историки доказывают, что первый и начальный наук престол был в Греции, откуда, по несчастию, принуждены были они убежать и скрыться в Италии, а по малом времени рассеялись уже по всей Европе; но нерадение наших предков им воспрепятствовало и далее Польши пройти их не допустило. Я не хочу изобразить другим каким-либо лучшим образом сего наук прехождения, как токмо циркуляциею или обращением крови по человеческом теле; да и кажется, я чувствую некоторое во сердце моем предуведение, что оные науки уйдут когда-нибудь из Англии, Франции и Германии и перейдут для обитания между нами на многие веки, а потом уже возвратятся в Грецию на прежнее свое жилище» [цит. по: *Николаев С.И.* 1996. С. 11; см. там же литературу, относящуюся к интерпретации данной речи Петра].

В этих словах Петра исследователи видели прежде всего характерные черты Петровской эпохи, выражение идей средневековой теории культуры, идею переноса знания, культурных ценностей. Но столь же важно в речи Петра выражение мысли о равном теперь положении России в сравнении с другими западноевропейскими странами и о возможности процветания наук в России. Поэтому можно предположить, что уже в 1714 г., в условиях Северной войны, экономических, общественно-политических и культурных преобразований, Петр думал и об организации научных исследований в России.

Об объективности и широте исторического мышления Петра можно судить, если сравнить его ранее приведенное высказывание об объективных основах распространения наук в России с близким по содержанию высказыванием Г. Гюйссена в 1706 г.: «Московиты скоро станут просвещенными и Музы откроют себе путь в Татарию. Вы знаете, что они пришли в Грецию с Востока, из Греции в Италию, из Италии в Испанию, Францию, Германию, Англию и Швецию, где науки достигли своего наивысшего расцвета. Они продвигаются к северу, где царь Петр Алексеевич, правящий ныне, утвердился в намерении просветить свое государство» [цит. по: *Копанев Н.А.* 1988. С. 13]. В отличие от Гюйссена, который отметил лишь распространение Муз из стран Запада в Россию, Петр указал основную причину того, что это не произошло ранее — «нерадение наших предков им воспрепятствовало», как описательно назвал Петр состояние страны в предшествующий период. Он проявил оптимизм, обращая внимание на возможность превращения России в ведущую научную державу. Но Петр обратил внимание и на возможность ухода наук из страны. Такая мысль подразумевала значительные усилия для поддержания ее статуса как научной державы. Понимание особенностей появления и судеб науки в России гениальным политиком существенно отличалось от их характеристик Гюйссеном.

Во время пребывания во Франции в 1717 г. Петр не только беседовал с ведущими французскими учеными того времени, с математиком П. Вариньоном, географом Г. Делилем, профессором анатомии Ж.Г. Дювернеем, но также посетил коллеж Мазарини (коллеж четырех наций) и университет Сорбонну, присутствовал на чрезвычайном заседании Академии наук под председательством ее президента ученого аббата Ж.П. Биньона. Там же находился секретарь Академии талантливый писатель и популяризатор науки Бернар ле Бовье Фонтенель, племянник великого драматурга Корнеля. Познания Петра, его заинтересованность в научных проблемах произвели большое впечатление на французских академиков, так что они с согласия Петра единогласно избрали его 22 декабря 1717 г. членом Академии, о чем сообщили царю аббат Биньон и Фонтенель [*Андреев А.И.* 1947б. С. 289–292].

Вероятно, уже в 1717 г. у Петра появилась мысль о возможности создания в России Академии наук. Несмотря на сложнейшие обстоятельства реорганизации государственных и правовых институтов в стране, на условия Северной войны, по указанию Петра в 1718–1720 гг. были отправлены дальние исследовательские экспедиции в Сибирь, а также в мало изученные тогда регионы Поволжья и Каспийского моря. В Петербурге были открыты Сухопутный и Морской госпитали, оборудованы опытная и учебная лаборатории при Берг-коллегии. Все они создавали условия для накопления не только практических, но и научных знаний.

Механик Петра А.К. Нартов совершенствовался в математике, механике, токарном, медальерном и других ремеслах в Париже. Когда в последние

месяцы 1720 г. Нартов возвращался в Петербург, президент королевской Академии наук аббат Биньон попросил его передать царю письмо. Ясно выраженное намерение основать Академию наук и художеств в России Петр выразил в письме от 18 февраля 1721 г. королевской Академии наук: «Мы ничего больше не желаем, как чтоб чрез прилежность, которую Мы прилагать будем, науки в лутчий цвет привести, себя яко достойнаго вашей компании члена показать» [Материалы. 1885. Т. 1. С. 5]. О серьезности этого намерения может свидетельствовать тот факт, что в редакции Е «Регламента Главного магистрата», подписанного Петром 16 января 1721 г., царь отредактировал следующий текст: «Что же к академиям и (к приготовлению) *изысканью* и содержанию ученых професоров или учителей впред потребно будет, о том Е. Ц. В. сам со временем (иным образом) будет *всемилоливое* иметь (старание) *попечение*» [Воскресенский Н.А. 1942. С. 66].

В исследовательской литературе обсуждается вопрос, о намерении какого правителя, царя Петра I или императора Карла VI Габсбурга, основать академию с университетом сообщил в письме от 11 января 1721 г. Христиан Вольф царскому лейб-медику и руководителю первыми научными собраниями в России, Библиотекой и Кунсткамерой, Лаврентию Блюментросту [см.: *Копелевич Ю.Х.* 1977. С. 46]. Приведенные ранее тексты «Регламента Главного магистрата» и письма королевской Академии наук во Франции свидетельствуют о том, что у Петра уже в конце 1720 г. существовало вполне определенное намерение основать в России Академию и университет. Поэтому можно предположить, что сообщение Вольфа относится к намерению Петра.

В его осуществление И.Д. Шумахер был направлен в феврале 1721 г. во Францию, Германию, Голландию и Англию для продолжения творческих связей с французской Академией наук, для переговоров с учеными, которые могли бы поступить на российскую службу и стать членами Петербургской Академии. Он должен был ознакомиться с лучшими библиотеками и кунсткамерами, чтобы обустроить царскую библиотеку и кунсткамеру, тем более что к этому времени Петр решил построить для них на Васильевском острове специальное здание. Из этого путешествия Шумахер вернулся только в сентябре 1722 г.

Петр находился тогда в персидском походе. Но, вернувшись в начале 1723 г., он выслушал доклад И.Д. Шумахера о его путешествии и обсудил со своим лейб-медиком и доверенным лицом по организации Академии Л.Л. Блюментростом вопрос о числе академиков, необходимом для ее деятельности. Блюментросту Петр поручил подготовить проект устава Академии. Этот проект был подготовлен Блюментростом при участии, как обоснованно предполагают, Шумахера, а также лиц из петровского окружения, включая П.А. Курбатова, сына известного «прибыльщика» А.А. Курбатова. Одновременно в 1723 и особенно в январе 1724 г. над организацией Академии напряженно работал Петр. Подготовленные им материалы были переданы

в Сенат. Петровские идеи о будущей Академии известны и Блюментросту [Пекарский П. 1870. С. 5; Лаппо-Данилевский А.С. 1914. С. 33; Андреев А.И. 19476. С. 295–320; Копелевич Ю.Х. 1977. С. 39–56]. Так что основное содержание проекта Петербургской Академии наук определялось планами Петра, тогда как Блюментрост и Шумахер являлись исполнителями его воли. Это поручение они выполнили добросовестно.

А.С. Лаппо-Данилевский и А.И. Андреев установили, что широко используемые в исследованиях публикации проекта Устава Петербургской академии наук в «Полном собрании законов Российской империи» (Т. VII, № 4443) и в «Материалах для истории императорской Академии наук» (1885. Т. 1. С. 14–22) археографически неудовлетворительны. В отличие от сохранившегося в Сенатском архиве рукописного подлинника (Сенатский архив, книга высочайших повелений, № 26. Л. 113–124; ныне: РГИА, ф. 1329, 1724 г., оп. 1, д. 26, лл. 89–100) в них не сохранена точность в делении на параграфы. В некоторых словах не учтена правка Петра Великого. Не сохранены особенности правописания царских резолюций. К этим обоснованным замечаниям можно добавить также неточности в воспроизведении некоторых слов, при этом эти неточности могут иметь смысловое значение. Ср.: «К расположению художеств и наук» (ПСЗ. Т. 7. № 4443); «К распложению художеств и наук» («Материалы». С. 14); «К розпложению художеств и наук» (текст оригинала). Поэтому в полной мере обоснован метод А.И. Андреева, в соответствии с которым в исследовании надлежит пользоваться текстом правленного Петром оригинала, с которого были сняты современные копии и тогда же сделан немецкий перевод. К числу тщательно выполненных копий следует также отнести не учтенную А.И. Андреевым копию, снятую для издания «Писем и бумаг Петра Великого» [Архив СПбИИ РАН. Ф. 270, оп. 1, ед. хр. 106. Л. 197–207; Лаппо-Данилевский А.С. 1914; Андреев А.И. 19476. С. 311–313]. Лишь позднее проект был опубликован археографически корректно, впрочем, с редкими поновлениями в тексте [История Академии наук СССР. 1958. Т. 1. С. 429–435; Уставы Академии наук СССР: 1724–1974. 1974. 31–39; Уставы Российской Академии наук: 1724–1999. 1999. С. 39–48].

Этот проект с исправлениями, дополнениями и резолюциями Петра был утвержден императором 22 января 1724 г. Его идеи и конкретные указания во многом предопределили судьбы науки в России, жизнь и деятельность многих россиян, в том числе и М.В. Ломоносова, поэтому их следует рассмотреть обстоятельно.

В тексте указано, что для «розпложения», т. е. для количественного увеличения и возрастания художеств и наук обычно используют Университет и Академию. Здесь же разъясняется, что Университет — учреждение учебное: «собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко феология и юрис пруденция (прав искусству), медицины, филозофии, сиречь до какого состояния оныне ныне дошли, младых людей обучают» (здесь и далее особен-

ности графики и синтаксиса оригинала сохранены). Академия — учреждение исследовательское: «собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде, в том градусе, в котором оные ныне обретаются, знают, но и чрез новые инвенты (изобретения. — М. С.) оные совершить и умножить тщатся, а об учении протчих никакого попечения не имеют».

В проекте учтено реальное положение образования в России, где нет «гимназиев и семинариев», выпускники которых могли бы обучаться наукам в университете, по окончании которого они могли бы трудиться в Академии наук. Только учреждение Академии бессмысленно, поскольку, «хотя чрез оную художества и науки в своем состоянии производятся и разпространяются», при таком состоянии образования «оные не скоро в народе розплодятся». Поэтому в конкретных российских условиях в продолжение традиций петровских преобразований авторы проекта предложили необычную структуру Академии и процесс обучения в ней.

Академия должна была состоять «из самолутчих ученых людей». Они должны не только «науки производить и совершить», но также «публично», т. е. на лекциях, обучать «младых людей», которые также должны обучать молодежь первым основаниям «всех наук». Таким образом, в России, где были люди грамотные, обученные, но где еще не было собственных ученых, занимающихся научными исследованиями на современном уровне знаний, предполагалось создание таких научных кадров в соответствии с петровским принципом преобразований — формирование новых экономических, социальных, политических, правовых институтов и институтов культуры «сверху», от просвещенного центра к той среде, где оно должно распространяться. При осуществлении такого принципа повторялся метод обучения мастером учеников, где Мастером в подготовке научных кадров становилась Академия.

Поэтому в проекте было написано следующее. Первое. «Совершенная Академия» должна была иметь достаточное число членов, которые «о совершенстве художеств и наук трудились». Второе. Когда («егда») эти члены Академии «те художества и науки публично учить будут, то подобна оная будет Университету и такую ж прибыль произведет». Третье. «Данные академикам младые люди» должны были получить «от его императорского величества довольное жалование на пропитание». «От них науку принявши и пробу искусства своего учинивши», т. е. после экзамена, «младых людей в первых фундаментах обучать будут». Это учреждение «таково ж полезно будет, яко особливое к тому сочиненное собрание, или Гимназиум».

Структурная организация Академии должна была принести такую же «великую пользу», как «в других государствах три разные собрания» — Академия, Университет и Гимназия, а также, можно добавить, экономить весьма ограниченные государственные средства.

В Академии предполагалось учредить три «класса». В первом «классе» наряду с науками математическими академики должны были изучать

астрономию, географию, навигацию, механику. Во втором «классе» наряду с физикой теоретической и экспериментальной следовало заниматься анатомией, химией, ботаникой. Третий «класс», гуманитарных наук, был предназначен для разысканий и обучения в красноречии, античности, древней и современной истории, в юридических дисциплинах, политике, этике и экономике.

Поскольку в российских условиях Академия создавалась как государственное учреждение и возможности ее финансирования были весьма ограниченными, то в первых двух «классах» указывалось по четыре академика, в третьем — три. Такое небольшое число академиков предполагало их универсальную подготовку, что в свою очередь продолжало научные традиции XVII–XVIII вв., когда специализация в естественнонаучных и гуманитарных дисциплинах только начиналась, а широта научных и инженерных познаний продолжала традиции гениев эпохи Возрождения и эрудитов XVII в.

В Академии следовало иметь штатного секретаря, который должен был вести делопроизводство и протоколы заседаний, публиковать их каждые два года, а также совместно со штатным академическим библиотекарем вести переписку с «учеными людьми».

Академики должны были не только заниматься исследованиями и сообщать о результатах исследований секретарю Академии, но также составлять рефераты зарубежных публикаций известных ученых, которые следовало публиковать, как и их собственные труды.

Академия характеризовалась как «социетет (собрание) персон, которые для произведения наук друг друга вспомогать имеют». Этот принцип коллегиальности, столь соответствующий петровским началам организации государственных институтов, приобретал в Академии особое значение, поскольку он подразумевал коллективное обсуждение результатов исследований. Поэтому академики несколько часов каждую неделю должны были уделять заседаниям, на которых следовало делать доклады и демонстрировать опыты. Такому обсуждению подлежали изобретения и зарубежных ученых на предмет их обоснованности, практической значимости и новизны. Академики должны были также выполнять дополнительные задания в виде поручений императора, которые, несмотря на кажущуюся малозначимость, требуют высокой квалификации исполнителей.

Академикам надлежало читать лекции для «учащихся младых людей», а их лекционные курсы следовало публиковать на латинском языке и переводить на русский. В соответствии с петровской идеей научные исследования, опубликованные на русском языке, будут приносить «российскому народу» «великую пользу» и составлять его славу. Назначались также ежегодные три публичные ассамблеи, на которых академики должны были выступать с докладами по проблемам тех наук, которые они исследовали.

Успешным исследованиям академиков должны были способствовать академическая Библиотека и необходимые инструменты. Обеспечение книгами и инструментами было возложено на библиотекаря, который наделялся единовластным управлением в этих важных отраслях организации научных исследований. Ему следовало также выписывать инструменты за границей. Впрочем, Петр, который берег казну для основных государственных надобностей, приписал — «или здесь делать», что стоило значительно дешевле. Для организационных вопросов в деятельности академиков и публикации их трудов в штат Академии были включены переводчики, живописец и гравировальный мастер.

В академическом Университете должны были быть созданы три факультета — юридический, медицинский и философский. Они учреждались в соответствии с западноевропейской традицией, восходившей к средним векам. Но в отличие от западных университетов теология передавалась в ведение Синода, что соответствовало современным принципам светского государства. На юридическом факультете, кроме права, преподавались также политика и этика. На медицинском факультете, кроме медицинских дисциплин, — химия и ботаника. Наиболее значительное количество дисциплин указано на философском факультете, где должны были преподаваться наряду с философией «генеральная математика», физика генеральная и экспериментальная, математические дисциплины, астрономия и механика, а также красноречие, античность и история. Академики должны были читать лекции по своим отраслям научных знаний один час ежедневно.

Академикам дозволялось работать за плату в частных «коллегиях», но запрещалось «ради корысти вельми много коллегиев держать», что может «протчим своим наукам и размышлениям вред чинить». Им разрешалось иметь в качестве помощников одного — двух студентов, которые могли бы одновременно усваивать основы наук, изучаемых академиком. Предполагалось, что Академия сама сможет присваивать выдающимся ученым звание академика. В связи с таким проектом Петр написал — «Позволяетца».

Академия учреждалась под верховным покровительством императора, но должна была быть самоуправляющейся под руководством постоянного или каждый год или полгода избираемого президента.

В проекте было сделано замечание: «Ученые люди, которые о произведении наук стараются, обычайно мало думают на собственное свое содержание». Поскольку ученые плохо приспособлены к жизненным трудностям, проект предполагал, чтобы назначались постоянные кураторы, которые заботились бы об Академии, о ее благосостоянии и «надобном приготовлении», сообщали бы императору о нуждах академиков и «доходы в своем ведении имели».

Обоснованно предполагая в данном параграфе проекта возможности злоупотреблений как академической администрации, так и кураторов, которыми могли стать императорские фавориты, Петр написал в данной связи

резолуцию: «Надлежит учинить директора и двух таварыщей и одного камисара над денгами». То есть он предложил установить объективный административный и финансовый контроль.

Далее в проекте отмечалось, что содержание членов Академии должно быть достаточным и постоянным, «дабы оные люди не принуждены больше о своем и фамилии своей содержанию старатися, нежели о возвращении наук». Петр с пониманием отнесся к этому предложению и увеличил бюджет Академии вместо предлагавшихся 20 000 рублей до 24 912 рублей. Это денежное содержание Академии наук представляло собой более 10 % бюджетного расхода на всю российскую администрацию — 203,4 тыс. руб. в 1724 г. Об особом значении этой новой суммы, предназначенной для финансового обеспечения, будущей Академии, свидетельствует то, что она указана в условиях сокращения Петром расходов на центральное государственное управление. По утвержденному им постановлению Сената от 14 декабря 1724 г. в 1725 г. финансирование Сенатской канцелярии по сравнению с 1715 г. сокращалось с 35,1 тыс. до 25,8 тыс. руб., Камер-коллегии — с 25,6 до 9,4 тыс. руб., Иностранной коллегии — с 22,4 до 13,4 тыс. руб. Расходы на содержание других коллегий были существенно меньшими. Даже выросшее ассигнование судебной системы составляло 17,3 тыс. руб. в сравнении с прежними 11,3 тыс. руб. [*Писарькова Л.Ф.* 2007. С. 233].

Таким образом, в первой четверти XVIII в. Россия усвоила европейский военный и экономический опыт на его передовом уровне. Она была включена в единое политическое пространство. Создание Санкт-Петербургской Академии наук (в научной литературе распространено ее сокращенное название — Петербургская Академия наук) завершило процесс включения России в европейское интеллектуальное пространство и придало петровским реформам завершенный целостный характер. Труды, изданные Петербургской Академией наук уже в начальный период ее существования, широко распространялись в странах Западной Европы и пользовались заслуженным авторитетом [*Копанев Н.А.* 1988. С. 83–87, 96–109].

Утверждение Петром на заседании Сената 22 января 1724 г. представленного Л. Блюментростом проекта Академии художеств и наук стало правовым основанием для составления ее штата, финансовой сметы и условий найма иностранных ученых в качестве академиков. Руководство осуществлением этого проекта Петр поручил Блюментросту, а техническое исполнение — Д.И. Шумахеру, назначенному на должности библиотекаря и секретаря будущей Академии с установленным жалованием [*Материалы.* 1885. Т. 1. С. 22–34 и след.; *Андреев А.И.* 19476. С. 320–331].

В 1724 г. начались активные переговоры с учеными об их поступлении на службу в качестве академиков Петербургской Академии наук.

Знаменитый философ, физик и математик Христиан Вольф содействовал заключению договоров Академии с талантливыми учеными, которые согла-

сились приехать в Петербург и стать академиками уже в начальный период ее создания или по прошествии определенного времени. В их числе математики Яков Герман, математики и физики Леонард Эйлер, Николай и Даниил Бернуллы, физик Христиан Мартини, астрономы Жозеф Николя Делиль и его брат Людовик Делиль де ля Кройер, правовед Иоганн Симон Бекенштейн, филолог и ориенталист Теофил Зигфрид Байер, историк Иоганн Петер Коль и другие ученые. Лейпцигский ученый И. Менке, выполняя российское поручение, уговорил приехать в Петербург профессора элоквенции и церковной истории И. Коля, при котором в качестве студента находился Г.Ф. Миллер.

К переговорам были подключены российские представители граф А.Г. Головкин в Пруссии и князь Б.И. Куракин во Франции.

Несмотря на то, что финансы государства были перенапряжены, при заключении договоров будущим академикам и профессорам предоставлялось значительное обеспечение: в зависимости от их значимости как ученых — от одной до двух тысяч рублей с квартирой, дровами и свечами. Особая сумма выделялась на дорожные расходы во время переезда. Впрочем, и после кончины Петра в продолжение его традиций, как писал историк Г.Ф. Миллер, власти стремились «сделать жизнь в Петербурге приятной для новоприезжих» [*Лаппо-Данилевский А.С.* 1914. С. 28–39, 48–50; *Материалы.* 1885. Т. 1. С. 44–62; *Андреев А.И.* 19476. С. 321–326; *Копелевич Ю.Х.* 1977. С. 65–79].

Современникам было очевидно, что в результате петровских преобразований Россия стала иной в сравнении с ее состоянием в предшествующие царствования. Был и объективный критерий положительного значения этих преобразований — победа Новой России над мощным современным государством, Швецией, война с которой началась с позорного поражения. Петр сам обобщил результаты своей деятельности в 1718 г., еще до завершения Северной войны. «Мы получили, — писал он, — славу народа нашего и ползу государственную», «не токмо отторгнутыя от государства нашего от неприятелей провинции паки присовокупили, но и вновь многие знатные города и земли по оному получили; також и народ свой во многих воинских и гражданских науках к ползе государственной обучили» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 162].

Канцлер граф Г.И. Головкин во время торжеств 22 октября 1721 г. по случаю поднесения царю титула «Отец Отечества Петр Великий император Всероссийский» назвал результаты преобразований Петра в более обобщенных, но потому — в еще более выразительных категориях: «Вашего Царского Величества славныя и мужественныя воинские и политические дела, чрез которыя токмо единыя Вашими неуспынными трудами и руководством мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света, и тако реши, из небытия в бытие произведены и во общество политичных народов присовокуплены, яко то не токмо нам, но всему свету известно» [*Головкин И.И.* 1838. С. 6.]

8 марта 1725 г. в присутствии императрицы Екатерины I, всех политических и военных руководителей России Феофан Прокопович вновь подводил итоги деятельности Петра, но уже в «Слове» на его погребение. В соответствии с жанром торжественной риторики того времени он сопоставлял Петра с хорошо известными библейскими персонажами и императором Константином Великим, хотя результаты петровской деятельности в полной мере соответствовали современной действительности первой четверти XVIII в. Обобщая результаты военной реформы, Феофан писал: «Застал он в тебе (в России. — *М. С.*) силу слабую и зделал по имени своему каменную, адамантову (т. е. как алмаз. — *М. С.*), застал воинство в дому вредное, в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел отечеству полезное, врагом страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил и новых провинций приобретением умножил».

Столь же большое значение, по Ф. Прокоповичу, имело создание флота: «<...> неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плаваньё карабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий <...> и отверзе тебе путь во вся концы земли, <...> власть же твоя державы, прежде и на земли зыблющуюся, ныне и на мори крепкую и постоянную сотворил».

Отметил Ф. Прокопович государственные преобразования и законотворчество: «Не суть ли законы его, яко крепкая забрала и яко нерешимья злодеяния! Не суть ли уставы его ясныя, свет стезям твоим, высокоправительствующий сигклит (сенат. — *М. С.*) и под ним главныя и частныя правительства, от него учрежденныя!».

Особой темой стали новые для россиян и усвоенные ими науки, искусства, образ жизни: «И не довольно ли о сем свидетельствуют многообразная философская искусства и его действием показанная и многим подданным влиянная и заведенная различная, прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства; еще и чины, и степени, и порядки гражданския, и честныя образы житейского обхождения, и благоприятных обычаев и нравов правила, но и внешний вид и наличие краснопретворенное, яко уже отечество наше, и отвнуть и отвне, несравненно от прежних лет лучшее и весьма иное видим и удивляемся».

Сравнив Петра с библейским царем Давидом и императором Константином Великим, который провел церковную реформу, Ф. Прокопович поддерживал синодальную реформу (во время ее проведения он являлся епископом Псковским и Нарвским). Он в полной мере осознавал, что все эти достижения требовали великого напряжения, прежде всего самого Петра. Но без них не могла бы появиться Новая Россия, поскольку для Петра общественная и государственная польза выше личного благополучия: «Оставил нас, но не нищих и убогих: чрезмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою зделал, такова и будет: зделал добрым любимою, любима и будет; зделал вра-

гом страшную, страшная и будет, сделал на весь мир славную, славная и быть не престанет. Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Ибо, оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам» [*Проконвич Ф.* 1961. С. 126–128].

Таким образом, современникам Петра Великого, которые стремились к тому, чтобы Россия стала современной державой, равной в своем положении другим передовым странам мира — в XVIII столетии это были западноевропейские государства, — было очевидно, что все его преобразования были необходимы. Они понимали, что только в таком состоянии гарантированы ее территориальная целостность и последующее бытие как великой страны, которая сформировалась такой исторически. Они в полной мере осознавали, что альтернативой этому прогрессивному пути развития является лишь «небытие», как выразился канцлер Головкин, — т. е. или все нарастающее отставание в темпах развития и превращение страны в провинциальное захолустье Европы, или превращение России в объект завоеваний и разделов промышленно развитыми державами.

Значительная часть крестьянства, торгово-ремесленного населения, духовенства, определенная часть знати, которую петровская табель о рангах уравнила в службе Государству с дворянством, стремились к сохранению старины. Тяготы войны, реформ и постоянного строительства имели следствием не только Булавинское и Астраханское восстания, но также социальные протесты в виде бунтов и других, менее значимых видов борьбы. В этой части общества, особенно ревнители старины, царя называли антихристом [*Шмурло Е.* 1912. С. 3–7].

Создание современной России в правление Петра Великого являлось процессом сложным. Преобразования затронули многие стороны экономической, общественно-политической и духовной жизни россиян, оставив в неприкосновенности средневековые по происхождению крепостничество и сословный строй, которые оказывали значительное воздействие на все стороны этой жизни. Однако превращение России в мировую державу, ее включение в общеевропейский контекст экономики, политики и культуры в полной мере подтвердили обоснованность выбора Петра Великого. Все петровские преобразования создали в России новую интеллектуальную среду, в которой гений русского человека мог себя выразить на современном уровне развития европейской культуры и науки.

2. Петр Великий и формирование россиянина Нового времени

В значительной историографии, посвященной деятельности Петра Великого, Н.И. Павленко на научном уровне сформулировал проблему психологической характеристики первого российского императора, отметив